

«Ты отправишься в пленительную Ирландию на маяк,
и это путешествие перевернет твою жизнь,
оживит чувства и воспламенит душу».

AMAZON.DE

ПОКАЖИ МНЕ

КИРА
МОН

Свёзды

18+

Там, где сбываются мечты. Романтическая трилогия

Кира Мон

Покажи мне звёзды

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

Мон К.

Покажи мне звёзды / К. Мон — «Эксмо», 2019 — (Там, где сбываются мечты. Романтическая трилогия)

ISBN 978-5-04-112634-6

Одиноким остров на севере Ирландии, скалы, шум прибоя и белый маяк – так сильно изменилась жизнь Лив всего за месяц. Вырваться из суеты Гамбурга, чтобы полгода жить одной на острове? Идеальное решение. Где, как не здесь, можно прикоснуться к себе настоящей, услышать свою душу и бросить вызов собственным страхам. А еще встретить невероятно притягательного ирландца, который, кажется, знает о Лив больше, чем она сама. Но что, если влюбиться совсем не в его правила? Или же за отстраненной холодностью скрывается нечто большее?

УДК 821.112.2-31

ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-04-112634-6

© Мон К., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

◆ 1 ◆	6
◆ 2 ◆	13
◆ 3 ◆	22
◆ 4 ◆	36
◆ 5 ◆	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Кира Мон

Покажи мне звёзды

Original Title: Kira Mohn: Show me the Stars

Copyright © 2019 by Rowohlt Verlag GmbH, Hamburg

Фотография на обложке: © Matt Porteous / Gettyimages.ru

Во внутреннем оформлении использованы фотография и иллюстрации:

© Mike Ver Sprill, nadiia, Anton Jankovoy / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Серия «Freedom. Там, где сбываются мечты. Романтическая трилогия»

© Офицерова И., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

*Хочу я книгу своей жизни
Переписать на чистые листы –
Вокруг лишь рваная бумага
И сломанные карандаши.*

1

В большом открытом офисе редакции «Глобус» почти за каждым столом мне вслед поворачиваются лица, когда сегодня в первой половине дня я быстро закрываю за собой дверь переговорной Яна Бремера.

Судя по тому, что на меня все смотрят, он, очевидно, уже сообщил благую весть о моем интервью всей редакции. Вот только эйфорию главного редактора разделяет далеко не каждый: на лицах большинства сотрудников читается недовольный скептицизм.

Именно мне, Лив Баумгардт, еще ни разу не попадавшей в центр всеобщего внимания, повезло подобраться к Кристине Аткинс? К этой чокнутой актрисе, бывшему ребенку-кино-звезде, которая уже несколько лет прячется у себя на вилле на берегу Санта-Моники, больше ни с кем не общается, а с репортерами и подавно? Такое никому бы и в голову не пришло.

Если бы речь шла о каком-нибудь Кристиане Аткинсе, сарафанное радио моментально вскипело бы. Но так как мне вряд ли удалось бы уговорить Кристину Аткинс на интервью в обмен на мои обнаженные фотографии, надеюсь, что не поползут еще более ужасные слухи, от которых волосы встанут дыбом.

Готовую статью я только сегодня утром отправила Яну Бремеру. Он сразу же вызвал меня в редакцию. Слава богу, не за тем, чтобы устроить разнос по поводу того, что я ничего не рассказала ему заранее – сначала мне непременно нужно было убедиться, что интервью действительно состоится – а для того, чтобы похвалить меня как внештатного сотрудника за проявленную инициативу, обсудить парочку поправок в тексте и объяснить дальнейшие действия, которые будут в первую очередь направлены на рекламу. И теперь я буквально плыла между рядами рабочих столов.

Дорогу мне преградил Клаус Маасен:

– Мои искренние поздравления. – Проработав в «Глобусе» практически двадцать лет, Маасен стал ветераном редакции и человеком с самой фальшивой улыбкой на планете. – Кто бы мог подумать, что такое юное создание, как вы, уже завело подобные связи?

– Ах, мы с Кристиной всего лишь случайно встретились на одной вечеринке, – легко-мысленно отвечаю я. – Когда я ездила отдыхать на выходные. Ведь именно это и делают юные создания.

Потом коротко смеюсь и тщательно слежу за тем, чтобы не начать ухмыляться.

Клаус Маасен неуверенно поднимает вверх большой палец и отворачивается, чтобы скрыть свое замешательство.

Видит бог, это не первый раз, когда он или кто-то из его давно работающих коллег более или менее прозрачно намекают мне на отсутствие опыта. Самые младшие сотрудники не имеют права на успех в таком масштабе, и уж тем более не фрилансер, которая должна радоваться любому клочку сплетен, что ей позволено публиковать в развлекательном разделе.

– Лив! – Дана машет мне двумя руками, и я сворачиваю к ее сегодняшнему рабочему месту, радуясь возможности хоть кому-то искренне улыбнуться. Дана – стажер в «Глобусе». Собственного письменного стола у нее нет, поэтому на данный момент ее ноутбук стоит перед компьютером сотрудницы, взявшей на эту неделю больничный. Как и я, Дана стремится получить постоянную должность в редакции, но хоть я в рекордные сроки получила диплом журналиста, выпустившись с хорошими оценками, она на шаг опережает меня в том, что необходимо для достижения этой цели. На второй год своей работы на «Глобус» она прошла уже через много разделов, а в разделе культуры работает по своему собственному выбору. В отличие от меня, которая, напротив, оказалась на своем месте больше по чистой случайности – ради того, чтобы работать в «Глобусе», я бы взялась даже за колонку кулинарных рецептов, если бы такая у них существовала. При том что рецепты были бы, вероятно, даже интереснее, чем

коротенькие новости о знаменитостях, которые я сейчас пишу для интернет-издания. Однако теперь, после моего интервью с Кристиной Аткинс, наверно, я могу надеяться, что в будущем мне разрешат писать на более серьезные темы.

– И? Что сказал Бремер? – спрашивает Дана. – Сегодня утром на планерке он рассказывал о твоём подвиге. Это просто потрясно, но могу поспорить, что без удачи тут не обошлось.

Довольная, я облакачиваюсь на край стола:

– Интервью ему очень понравилось.

– Естественно, оно ему понравилось! Это же грандиозно. – Дана потягивается, а потом снова откидывается на спинку вращающегося стула с красной обивкой. – Интервью с Кристиной Аткинс, закатившейся девочкой-кинозвездой. В котором она еще и говорит о личной жизни, а не только о своих глупых подростковых киношках.

– А мне понравилось «И где-то я»¹.

Пренебрежительным жестом Дана отмахивается от моего замечания.

– Пришлешь мне его, когда доработаешь? Я сделаю для тебя корректуру. Кстати, ты сейчас свободна? Могли бы вместе пообедать.

Собственно говоря, я планировала дома закинуть в духовку замороженную пиццу и за едой отредактировать статью, а затем писать остальные новости о знаменитостях, о которых нельзя забывать на фоне всего прочего. Но так как у меня было праздничное настроение, а обеденный перерыв Даны длится всего час, какое-то время спустя мы уже сидели с двумя тарелками в переполненном кафе «У Фридрихельма» – модном гамбургском заведении недалеко от работы – и пытались услышать друг друга за стуком столовых приборов и разговорами за соседними столиками.

– Я бы ни за что просто не проигнорировала эту информацию. – Дана водрузила на свои спагетти целую гору пармезана. – Тебе надо как минимум намеками распространить слухи.

На самом деле я бы лучше обсудила в мельчайших подробностях свою беседу с Яном Бремером, но ей было гораздо интереснее узнать побольше про интервью с Кристиной.

– Я пообещала Кристине, Дана. Она не хочет, чтобы об этом стало известно публике.

– Тогда зачем она вообще об этом заговорила?

– Просто так вышло.

Дана не в курсе, что я годами писала Кристине Аткинс фанатские письма, впервые увидев ее в сериале «Лилли и Снежинка». В то время я еще не жила у бабушки с дедушкой, а переезжала каждые пару лет вместе с мамой, которая работает дипломатом. Иметь возможность писать Кристине на английском – это был хоть какой-то плюс в нашей нестабильной дипломатической жизни. Сидней, Нью-Йорк, Копенгаген – о большинстве стран у меня в памяти не сохранилось ничего, кроме нескольких лиц и имен в международных школах, и отдельных воспоминаний о нянях, которых для меня нанимала мама. Кто мой отец – неизвестно. Мама о нем никогда не говорит.

В то время мне было лет десять или одиннадцать, а Кристина была чуть старше. Из-за нее я захотела заниматься верховой ездой, хотя из-за высоты лошадей мне становилось не по себе, из-за нее отказывалась ходить в школу с косичками и даже захотела перекрасить свои темно-каштановые волосы в блонд.

Невозможно сосчитать, сколько писем от меня получила Кристина Аткинс. И лишь один раз пришел ответ – открытка с автографом и парочкой ничего не значащих строк. А вела я себя при этом так, как будто самый красивый мальчик в школе написал мне письмо с признанием в любви.

Потребовалось много времени, пока мое восхищение Кристиной не поутихло, а вскоре – мне, наверно, было около пятнадцати – произошло это – она полностью исчезла с киноэкранов.

¹ Отсылка к роману Франциски Фишер «Und irgendwo ich».

В любой новости, которую можно было о ней услышать, фигурировали наркотики, алкоголь и нервные срывы. И когда я в какой-то момент прочла о том, что молодая актриса попала в клинику, то написала по последнему адресу для фанатской почты, который получила от нее.

Сказать, что Кристина была рада обо мне услышать, было бы явным преувеличением, но она меня вспомнила – как же можно забыть девочку, которая однажды прислала ей коллаж размером с дверь, состоящий из фотографий лошадей, каждая из которых была такой же белой, как Снежинка?

В тот раз мне пришла не открытка с автографом, а письмо. Оно было не особенно личным, но мы так или иначе поддерживали связь. Иногда проходили недели или даже месяцы, пока Кристина мне отвечала, и она крайне мало рассказывала о себе. Вместо этого она задавала мне много вопросов, на которые я добросовестно отвечала. Возможно, я была для нее чем-то вроде единственной связи с нормальным миром, поэтому она никогда окончательно не обрывала со мной контакт. Однако, по какой бы то ни было причине, когда пару недель назад я спросила ее, не даст ли она мне интервью для «Глобуса», она действительно согласилась. И я бы ни в коем случае не стала сейчас предавать ее доверие и раздувать из отдельных фраз сенсационные истории. Мне вообще не стоило заикаться об этом Данае.

– Если бы она не хотела, чтобы ты об этом писала, то вообще не упоминала бы этого типа, Лив. Для нее это отличная реклама, такое всем интересно. Телохранитель насилует актрису-подростка!

– Но все же было не так. Они встречались.

– Он был на восемь лет старше нее. Если бы это вышло наружу, он бы сейчас сидел в тюрьме.

Я покачала головой.

– Ей было почти восемнадцать, когда между ними все началось. А теперь оставь это, ладно?

– А почему ты не хочешь написать про ее галлюцинации?

– Потому что она бы этого не хотела.

– Ну и что?

– Дана!

Дана преспокойно наматывает на вилку спагетти. Парочка макаронинок падает, когда она тычет вилкой в мою сторону, соус капает на стол.

– Расслабься, Лив, – миролюбиво отвечает она. – Ты должна кое-чему научиться: такими темпами далеко не пробьешься.

У меня неприятно сжимается желудок, когда я опускаю глаза на свою пиццу и задаюсь вопросом, не права ли она. Конечно же, я хочу преуспеть. Но не таким способом. Не копаясь в личной жизни других людей, как свинья, которая ищет трюфели, в поисках чего-нибудь, что можно было бы подбросить народу как кричащую рекламу. По крайней мере, Яна Бремера, похоже, все устраивает. Наоборот, он хочет опубликовать интервью уже в декабрьском номере, хочет его разрекламировать, а когда мы прощались, он сказал одну вещь, от которой у меня сердце забилось чаще: «Клаус Маасен в конце года заканчивает работать на «Глобус», вы знаете? Нам нужно будет заново перераспределить его обязанности между сотрудниками, и других разделов это тоже касается. Полагаю, там может найтись что-то и для вас, как вы считаете?»

От одного воспоминания об этом я снова начинаю улыбаться.

– Ну а что Бремер сказал про тех дамочек с овцами, о которых ты собираешься писать? – вторгается в мои размышления Дана.

А откуда Дана знает... ах, точно, я ведь рассказала ей про тех двух пожилых женщин, которые познакомились по объявлению в газете и теперь живут вместе на ферме под Винзеном и разводят овец.

– Об этом я с ним еще не говорила.

– Но ты же хотела?

– Я подумала, что сделаю это после публикации интервью с Аткинс.

Пожимая плечами, Дана бросает на свою тарелку салфетку:

– Мое мнение на этот счет ты знаешь.

Поскольку Дана обычно, не церемонясь дольше четырех секунд, высказывает любое свое мнение, естественно, я его знаю: она считает описание старушек с овцами до смерти скучным.

– Могу я предложить вам что-нибудь еще? – Официантка подошла к столику, чтобы убрать грязные тарелки и пустой стакан Даны.

– Нет, счет, пожалуйста, – наклоняется к своей сумочке Дана. – Мне пора возвращаться.

Когда ты пришлешь мне интервью?

– Сегодня вечером. Его нужно подправить всего в нескольких местах.

– Поняла. Я его вычитаю и сразу отправлю на утверждение менеджерам Кристины Аткинс, идет?

– Если у тебя нет ничего более важного, то конечно. Бремеру оно нужно срочно.

– Само собой, ему нужно срочно. Через пару часов он запустит о нем онлайн-рекламу, – отвечает Дана с широкой улыбкой.

– Ты на этой неделе еще будешь в редакции?

– Нет, пока что все улажено.

– Ну тогда... начинай придумывать вопросы для своих дамочек с овечками. Бремер наверняка тебя скоро туда отправит. – Она наматывает на шею свой супердлинный шарф, пока не остается виден только нос, и берет сумочку. – До связи.

###

Послеобеденное время я провожу с Харви. Харви – это мой письменный стол, старинное страшилище из корневой древесины. Если бы столешница и ножки не отвинчивались, никому на свете не удалось бы пронести эту штуковину в дверь моей крошечной съемной квартиры.

На самом деле Харви создавался для домов с двойными дверями и гостиными, но ему уже приходилось обходиться без этого и на его предыдущем месте жительства. Прежде стол стоял в кабинете моего деда, от кого и получил свое имя. Еще до того, как переехать к бабушке с дедушкой, я часто исследовала содержимое выдвижных ящичков и откидных дверок Харви, а потом найденными перьевыми ручками записывала небольшие рассказы на красивой дедушкиной писчей бумаге. В отличие от мамы, которая давно бы пресекла это бумагомарательство, – ее всегда раздражала моя привычка мечтать, а потом сочинять истории – дедушка с бабушкой не находили в этом ничего плохого. Сидя за Харви, я впервые твердо решила, что хочу зарабатывать на хлеб писательством. Дедушка называл это «почетным долгом». Конечно, моя мать сочла идею полнейшим абсурдом, но она была слишком далеко, а дедушка – слишком рад, чтобы у мамы получилось меня от этого отговорить.

Когда я начала учиться в университете, дед подарил Харви мне. Именно тогда умерла бабушка, и когда мы оба через два года переезжали из старого дома, он нашел новых владельцев и для многих другой своей мебели, в числе которой оказались вольтеровское кресло по имени Фред и Флер – французский комод. Последнюю я бы и сама с удовольствием забрала, но дедушка, страстно любивший писать письма, предложил Флер своей знакомой-почтальону, которая очень обрадовалась такому подарку. А в моей маленькой однокомнатной студии и без того не осталось бы места для Флер. Рядом с Харви даже стеллажу Билли приходилось втягивать живот.

После того как дед пристроил самые важные для него вещи, то продал или раздал остальные, чтобы уехать в Чеддер, деревню в английском графстве Сомерсет, к своему давнему другу по переписке Эрнесту Форду. Они переписывались почти тридцать лет и несколько раз даже

приезжали друг к другу в гости, но тем не менее меня до сих пор поражает дедушкино решение. Вот так запросто начать нечто абсолютно новое... и почему-то за это я всегда им немножко горжусь.

Мы пишем друг другу не реже двух или трех раз в месяц. В своих письмах дедушка рассказывает о походах, в которые он ходит с Эрнестом, и как по вечерам они сидят перед камином и рассуждают о жизни. Читая его письма, я глажу рукой Харви, а потом чаще всего вздыхаю и вновь возвращаюсь к самым насущным вопросам в моей жизни, а именно: сделала ли очередная актриса себе увеличение груди сразу после операции на нос или нет. Мне бы и в кошмарном сне не приснилось рассказать дедушке в письме такие подробности. Чаще всего я избегаю его расспросов о моей работе. И хотя в противоположность маме, которая практически не скрывает своего презрения по этому поводу, дедушка не видит никаких проблем в сплетнях о звездах, мне нравится представлять себя серьезной журналисткой. А теперь это просто обязано стать реальностью, первый шаг к которой – интервью с Кристиной.

Перечитав его еще раз, я позволила себе сделать перерыв и приготовить кофе, вылила в него остатки молока и сделала себе мысленную пометку срочно пополнить запасы в ближайшем супермаркете. До восьми утра без кофе жизни нет.

По пути обратно встречаюсь с одной из двух студенток, которые живут этажом ниже. В данный момент эта девушка занята тем, что лепит записку к почтовым ящикам в подъезде.

– Привет! – просияла она. – Сегодня вечером может быть немного шумно. Я отмечаю день рождения.

– Ясно, без проблем, – проходя мимо, отвечаю я.

– Если хочешь, тоже приходи. Музыку ты так или иначе будешь слышать, а так можешь еще и пива выпить.

Я удивленно останавливаюсь.

– Это очень мило, спасибо. – Мысленно прикидываю, что еще нужно сегодня доделать. – Сейчас я слегка занята, но, может, все равно заскочу.

– Буду рада. Тогда, наверно, до скорого. – Она поворачивается к двери.

– О'кей. В любом случае, хорошо вам повеселиться! – кричу я ей вслед, прежде чем подняться по лестнице на четвертый этаж. Вечеринка. Я сто лет не ходила на вечеринки. В последний раз... это вроде бы был мой выпускной. В университете всегда была какая-нибудь курсовая, которую нужно подготовить, или контрольная, к которой я хотела повторить материал, поэтому у меня просто не оставалось времени на тусовки. Да я и не хотела тратить на это время. Вместо этого меня всегда вдохновляла мысль о том, чтобы как можно скорее закрепиться в престижном журнале, получить где-нибудь должность, благодаря которой я смогу доказать матери, что журналистское образование не было идиотской идеей и я вполне способна принимать разумные решения. А в настоящий момент я уже практически оставила эти попытки. Понятия не имею, почему, но мама, кажется, просто ненавидит в моей жизни все без исключения, а я больше не стремлюсь так активно изменить эту жизнь из-за нее. В прочем, когда хоть что-то, что для меня важно, было в ее глазах достаточно хорошим? Вот именно.

После второй чашки кофе я переписываю пару мест в интервью, которые обсудила с Бремером. Это замечательное интервью, рисующее по-настоящему красивый портрет, и если уж мой шеф, по его словам, взвешивает мысль вытащить меня из уголка со знаменитостями, то этот текст непременно должен его убедить. Потому что Кристина – единственный известный человек, с которым я знакома. Если этот козырь прогорит впустую, не оказав какого-либо эффекта, то в ближайшем будущем мне навряд ли разрешат отдалиться от поп-звезд и королевских династий этого мира.

Перепроверив каждое изменение раз в сотый – я уже могу чуть ли не наизусть декламировать это интервью – я отсылаю статью Дане и перехожу к своим ВИП-персонам. Королева

Сильвия похудела на четыре килограмма. Возможно, она страдает анорексией. Даже и не знаю, что могло бы быть интересней.

Я со скучающим видом набираю на клавиатуре несколько строк, а потом вдруг спонтанно открываю второй документ и начинаю новую статью.

На недавно отремонтированной ферме недалеко от Винзена живут две энергичные женщины, а вместе с ними – очень много овец. И если вы думаете, что во время реставрации своего поместья Аннемари Лерх (58 лет) и Сара Тиндеманн (61 год) пользовались услугами профессиональных строителей, то допускаете первую ошибку: недооцениваете двух этих дам...

Я уже дважды встречалась с Аннемари и Сарой. Когда стану такой же старой, надеюсь, во мне будет столько же энергии, сколько у этих двоих, которые еще раз полностью перевернули свою жизнь. Без «мужей, которые имеют своих молодых симпатичных сотрудниц прямо на их письменных столах», как сухо заметила Аннемари, когда я последний раз к ним приезжала. Жаль, что Бремер, скорее всего, завернет эту цитату, если вообще проявит интерес к статье. По крайней мере, Аннемари не возражала бы против того, чтобы ее увековечили таким образом: «Можешь спокойно прямо так и написать. И напиши еще, что его смартфон не случайно оказался на электрической плите».

Вспомнив об этом, я не смогла сдержать улыбку. Быть может, Бремеру и понравится идея. Как можно устоять против этих женщин?

###

В четверть десятого быстро пробегаю взглядом отредактированное интервью, которое скинула мне Дана, прежде чем выключить компьютер. Глаза сушит, потому что я долго пялилась в монитор, и с одновременно возникающим в животе неприятным ощущением я обнаруживаю, что в комнате потемнело. Спешу скорее включить свет, пока не погас экран компьютера. Темнота и я, мы с ней не дружим.

В квартире подо мной гремит музыка, а я пару минут рассматриваю свою тщательно прибранную комнату, практичные белые книжные полки, аккуратно разглаженное покрывало, под которым прячется постельное белье в крапинку, и кресло для чтения, на покупке которого можно было бы и сэкономить. Я либо сижу за Харви, либо лежу на своей безымянной кровати. Одна. Всегда.

По дороге на кухню включаю еще лампу в прихожей и в итоге на какое-то время застываю перед открытым холодильником. «Холодильная медитация», как назвал эту привычку дедушка. Так как такое разглядывание не приводит к тому, что перед моими глазами материализуется готовый ужин, достаю из ящика для овощей морковь, которая больше напоминает резину. Без энтузиазма помахиваю ей из стороны в сторону.

Даже из кухни слышно музыку на вечеринке. Я быстро закидываю морковь обратно и топаю в ванную. Вместо того чтобы в следующем очерке поздравлять Меган Маркл с ее удачным нарядом, я спущусь вниз. Просто так, поздороваться. Никого из своих соседей я не знаю достаточно близко – сейчас это изменится.

Тушь для ресниц, карандаш для глаз, пройти щеткой по длинным локонам. Белая кофточка должна подойти к узким джинсам.

И пока я размышляю, где в последний раз видела свой мобильник, он начинает звонить. Лежит на Харви, где же еще. Взглянув на дисплей, опускаюсь на стул. Мама. Что, уже снова прошли привычные четыре недели между ее звонками?

– Лив? Привет. Можешь сейчас говорить?

– Да, конечно.

Этими словами начинается большинство наших разговоров. Можешь говорить? Разумеется. И как у тебя дела? Хорошо, а у тебя? Потом, как правило, следует ее монолог продолжительностью в несколько минут обо всех вещах, нацеленных на то, чтобы работник дипломатической службы не имел ни минуты свободного времени, после чего она спросит меня, как там дедушка, и скажет, что была рада со мной поболтать. Однако в этот раз я нарушаю установившийся порядок, пока мама не приступила к заключительной части своего звонка. Ведь то, о чем я сейчас расскажу, должно ее обрадовать.

– Кстати, я провела интервью с Кристиной Аткинс.

– С кем?

– Кристина Аткинс, ну, помнишь ее? Актриса? Которая мне раньше очень нравилась? Из сериала про лошадей? – Когда мама не отвечает, я добавляю: – Сейчас она живет в Санта-Монике и, вообще-то, больше не дает интервью, но со мной поговорила.

– Это очень здорово, Лив, – следует мамин ответ. – Как поживает дедушка?

– Прекрасно поживает. Но ты же понимаешь, что это значит? Это интервью? Это кое-что особенное, никто не ожидал, что именно я...

– Как тебе это удалось?

– Прости?

– Как тебе удалось проникнуть в личное пространство этой актрисы?

– Я не проникала в ее личное пространство. Я просто спросила, не даст ли она мне интервью, и она согласилась. – Молчание на другом конце линии меня нервирует. – Получилось действительно хорошо, очень хорошо. Оно выйдет уже в декабрьском номере, в печатном выпуске, а Бремер даже рассчитывает, что это поднимет продажи издания.

– Бремер?

– Мой главный редактор.

Проходит еще пара секунд, я начинаю надавливать ногтем большого пальца на твердую поверхность Харви.

– Лив, ну что я могу сказать? Естественно, я за тебя рада. – Ее слова пусты и буквально пронизаны пренебрежением, с которым она их выговаривает. – К сожалению, мне надо...

– Благодаря этому я, наконец-то, выберусь из звездных новостей!

– Ты все еще пишешь эти желтые новости? – И вот в ее голос опять вернулось презрение, а я моментально жалею о последнем сказанном предложении.

– Да, но с этим покончено. После публикации интервью мне совершенно точно доверят работать над другими темами.

– Ну, в таком случае, должно же быть что-то хорошее в том, чтобы распахивать перед всем миром личную жизнь актрисы, верно? – язвит мама. – Поздравляю.

Она холодно прощается. Сжав зубы, кладу телефон обратно на письменный стол. Теперь я вновь осознала, почему перестала выпрашивать одобрения у своей матери. Просто это бесполезно.

Без понятия, как долго я пялилась в пустоту, но когда до меня снова доносится музыка вечеринки, я нажимаю кнопку на мониторе компьютера, и он загорается. Теперь я не сдамся, только не теперь. Вместо этого я уже сегодня допишу статью об Аннемари и Саре и завтра презентую ее перед Бремером. Он в нее влюбится. Он обязан. Я могу больше, чем всего лишь сочинять развлекательные сплетни. Интервью с Кристиной – это моя проходная дверь, и я не могу упустить этот шанс. Как только я преодолею следующий этап, еще останется время для каких-нибудь вечеринок.

2

В шесть пятнадцать звонит будильник. Снаружи еще так темно, что я не стала выключать лампы, которые всегда оставляю включенными по ночам. Чуть погодя в компании с первой кружкой кофе я уже сижу за компьютером, чтобы приступить к ежемесячной колонке для одного аптечного журнала, которую надо сдать до понедельника. Прежде чем начать, я быстро отправила свою статью про Аннемари и Сару Яну Бремеру, затем закрыла электронную почту и создала новый, чисто-белый документ под семьдесят пять или восемьдесят строчек ипохондрического нытья. Воображаемый больной хорошо заходит у читателей аптечного журнала, и пока никто не догадывается, что за личиной Хериберта Балдауфа, который в этом месяце в рекордные сроки выдумывает себе из легкой головной боли опухоль мозга, скрывается двадцатидвухлетняя девушка, думаю, я могу продолжать. Это тоже не та работа, которую я бы любила всей душой. А если точнее, я все еще не уверена, что мне кажется худшим вариантом: ипохондрия или поп-звезды.

Около одиннадцати часов вибрирует мобильный, и, стоит мне увидеть, кто звонит, я радостно его хватаю. Бремер. Если он так быстро перезвонил, очевидно, ему понравилась моя задумка.

– Алло?

– Не могли бы вы срочно приехать в редакцию?

– Сейчас? Конечно, я... а в чем дело?

– Хорошо. До встречи. – С этими словами он кладет трубку.

И что это было? Сбитая с толку, я уставилась на свой телефон. Голос Бремера звучал... рассерженным. Определенно не так, как если бы он хотел похвалить меня за чутье на интересные темы. Может, он, как Дана, считает овец скучными? Но из-за этого он бы не вызывал меня в редакцию. Что, черт побери, стряслось?

С колотящимся сердцем я выключаю компьютер, кладу смартфон в сумку, накидываю плащ и натягиваю на уши шапку. Теперь перчатки – зима еще даже не наступила, но Гамбург уже в середине октября склонился под жутким мокрым снегом – затем захлопываю за собой дверь квартиры и сбегаю вниз по ступенькам.

Может быть, речь об интервью с Кристиной? Бремер с утра перечитал его еще раз, а я что-то упустила?

Как бы я ни ломала себе голову, но в ней не возникает ни одной догадки, что же может быть настолько трагичным, чтобы срочно вызывать меня, а просто не пометить нужный кусок и переслать мне для повторной доработки.

Зайдя в редакцию, ищу глазами Дану, одновременно пытаюсь пальцами пригладить растрепавшиеся волосы. Она сидит за тем же рабочим местом, что и вчера, и, поймав мой взгляд, удивленно вскидывает брови. Прежде чем столкнуться с тем, что скажет мне Бремер, я подбегаю к ее столу – возможно, ей известно больше, чем мне.

– А ты что здесь делаешь? – спрашивает Дана. – Я думала, ты не собиралась больше заглядывать на этой неделе.

– Бремер позвонил, – полушепотом объясняю я. – Хотел, чтобы я срочно приехала, при этом звучал он почему-то не особенно дружелюбно. – Я неуютно кошусь на дверь в конце просторного офиса, игнорируя несколько направленных в мою сторону взглядов. – У тебя, случайно, нет предположений, чего он хочет?

Дана мотает головой. Теперь она выглядит заинтригованной.

– Еще раз тебя поздравить? За ожидаемый взлет продаж?

– Я же сказала, голос у него был, скорее, недовольный. – Я крепче сжимаю ремешок сумочки на плече. – Ну, что ж, сейчас узнаю.

– Наверняка что-нибудь безобидное.

Нервно ответив на ее улыбку, я пересекаю офис, чтобы постучать в дверь кабинета Бремера.

– Да? – Ян Бремер поднимает взгляд, когда я просовываю голову в дверь кабинета, и откидывается в своем массивном черном кресле. – Ну, вы все-таки поспешили.

Он разглядывает меня, словно таракана, который только что быстро-быстро выполз из канализации, и мне с трудом удастся удержать на лице улыбку.

– Присаживайтесь. – Откашлявшись, он отрывается от своего компьютера и поворачивается так, чтобы смотреть на меня поверх скрещенных домиком пальцев. Я неуверенно опускаюсь на стул перед его рабочим столом. Так напряжена я не была даже пару месяцев назад, когда сидела на этом же стуле, нанимаясь на должность внештатного сотрудника.

– Интервью с Кристиной Аткинс, – начинает Бремер, а я сжимаю зубы. Значит, дело правда в нем. Ясно. А в чем же еще? Он бы вряд ли решил при личной встрече обсудить со мной, почему я не окрестила королеву Сильвию анорексичкой. – Интервью с Кристиной Аткинс было проектом, подготовленным вами по собственной инициативе. Поэтому я не могу винить вас в том, что вы запороли такую значительную работу.

Запорола? Почему это запорола?

– Несмотря на это, я ожидал, что вы прибегнете к помощи более опытных коллег, если поймете, что вам не под силу такая задача, как эта.

Мне нужно было попросить о помощи? Но...

– После того как я вчера прочел интервью, в режиме онлайн тут же было объявлено, что оно выйдет в следующем печатном выпуске. Мне казалось, я вам об этом сообщил?

– Да, вы... – непонимающе начинаю я, но закончить он мне не дал.

– В этом случае вы наверняка можете себе представить, какой ущерб будет нанесен великоллепному имиджу нашего журнала, если уже заявленная статья не будет опубликована? Особенно когда речь о статье такого масштаба?

– Но почему...

– Я признаю, что, когда я читал это интервью, мне в глаза не бросилось ничего, что заставило бы Кристину Аткинс отозвать свое согласие на публикацию, но, видимо, я поторопился. Нет, я, безусловно, поторопился. Вы еще очень молоды и не настолько знакомы с процессом работы в такой большой редакции...

– Не могли бы вы мне сейчас хотя бы объяснить, в чем конкретно заключается проблема? – выпалила я. Возможно, перебивать Бремера было не самой лучшей идеей, но я просто не понимаю, что тут происходит. – Кристина Аткинс не хочет, чтобы интервью напечатали? Почему нет?

Пару секунд Бремер просто сверлит меня взглядом, по-видимому, затем, чтобы ментально донести до меня, насколько ему не понравилось мое поведение. Потом берет самый верхний листок из стопки бумаг, возвышающейся на краю его стола, и сует его мне под нос. Там написана всего пара строк на английском, и я быстро пробегаю их взглядом.

Кристина Аткинс запрещает публикацию интервью, которое восьмого октября дала Лив Баумгарт в ходе телефонного разговора, поскольку его смысл был перевернут, а цитаты вырваны из контекста.

В особенности она подчеркивает, что была в высшей степени разочарована искажением действительности, которое представляет собой данное интервью.

Когда я снова поднимаю голову, Бремер все еще прожигает меня глазами. В этот момент я способна только хватать ртом воздух. Это не может быть правдой.

– Это пришло сегодня по электронной почте от ее менеджера. Не думал, что мне придется беседовать с вами о методах тщательной расшифровки интервью и передаче его содержания.

– Вам и не придется! – резко возражаю я. Я воскликнула слишком громко и сама это слышу, но ничего не могу с собой поделать. Как такое могло случиться? – Это... думаю...

Кристина жалеет, что поговорила со мной? Ей показалось, что я хочу слишком многое о ней рассказать? Но я строго придерживалась ее пожеланий, я ничего не...

– Баумгардт? – Я испуганно замечаю, что Бремер продолжал говорить, а я не услышала ни одного его слова. – Вы еще здесь?

– Я... Извините. Я просто задумалась о том, как...

– Вот об этом и речь. Выясните, что именно мешает публикации интервью и исправьте это. Он наклоняется вперед, и я прикладываю все усилия, чтобы не отводить глаза под его взглядом. – Свяжитесь с менеджерами мисс Аткинс или к кому вы там обращались, чтобы устроить это интервью. И, пожалуйста, имейте в виду, что это особенный случай, когда дело не в том, чтобы вытащить на свет какие-нибудь сногшибательные подробности. Несмотря на огромный интерес общественности к ее персоне, мисс Аткинс так долго уже ни с кем не говорила...

– Прошу прощения, но где в этом интервью вы нашли сногшибательные подробности? – Да что за... опять получилось чересчур громко. Кроме того, я уже второй раз его перебила. – Мисс Аткинс очень четко дала понять, что она хочет видеть в статье, а что нет, – продолжаю я, старательно контролируя свой голос, но для этого уже слишком поздно.

– Меня там не было. Я не могу сказать вам, в каком конкретно моменте вы попали мимо цели, – сквозь зубы рычит шеф. – Но такие вещи без повода не пишут. – Он делает глубокий вдох и выдох, прежде чем опять заговорить менее колким тоном. – Пришлите мне запись разговора, и тогда посмотрим.

Я вздрагиваю. Вот блин.

– Я делала только заметки.

Он со вздохом откидывается назад еще до того, как я успеваю закончить предложение. При этом теперь он кажется больше разочарованным, чем разозленным. Я пока не уверена, что это к лучшему.

– И почему же?

– Она не хотела, чтобы разговор был записан.

– Вы могли настоять ради подстраховки! Это было бы и в интересах мисс Аткинс. – Он трет лицо ладонями, однако, когда его взгляд снова падает на меня, голос у него становится ледяным. Я дважды сглатываю. – Мне все равно, как вы это сделаете, но позаботьтесь о том, чтобы интервью появилось в декабрьском номере, как и было объявлено. У вас есть время до завтра до обеда.

###

– Вот корова тупая! – ругается Дана. Такой разъяренной ее редко можно увидеть. – Считает, если ее когда-то один раз номинировали на «Оскар», то она может позволять себе что угодно! Напиши ей, что своим отказом она угрожает твоей карьере! Да что она о себе возомнила? – Она резко щелкает пальцами, чтобы привлечь к нам внимание официантки «У Фридрихельма». Девушка – та же самая, что была вчера – с невозмутимым лицом принимает у нас сегодняшний заказ. Паста плюс джин-тоник. Последнее мне сейчас действительно необходимо.

Честно говоря, у меня не было настроения идти есть, но Дана одним пристальным взглядом отбила все мои возражения. Да и, в конце концов, было в самом деле разумнее рассказать ей обо всем этом кошмаре здесь, а не в офисе, где вокруг нас гарантированно стало бы очень тихо.

В любом случае возмущение Даны утешает меня лишь отчасти. Мой единственный козырь превратился в паршивую бубновую семерку, и ничто из сказанного Даной не сможет этого изменить.

– Интервью правда прекрасное, Лив, – продолжает Дана под мое молчание. – Там вообще нет ничего, что стоило бы выбросить.

– Мне нужно каким-то образом связаться с Кристиной, – бормочу я. – Я просто поверить не могу.

– Если хочешь, я могу поговорить с ее менеджером вместо тебя. В твоём-то нынешнем состоянии.

Я подавленно перегоняю свой стакан влево-вправо по столу.

– Спасибо за предложение, но этот отказ пусть лучше сами мне объяснят. Так внезапно и безо всякого предупреждения.

Дана ободряюще кивает:

– Это и правда невероятно. Как ты вообще себя чувствуешь? Честно, мне так жаль. Ты ведь так им гордилась.

Гордилась. Даже очень гордилась. Даже несмотря на то, что, по мнению Даны, я не выжала максимум из этого интервью.

– Может быть, все это просто недоразумение? – рассуждаю я вслух. Какой-то парень протискивается мимо нашего столика и сует свой зад мне прямо в лицо. Я спасаю свой стакан от падения и отстраняюсь назад. – Может, Кристина что-то неправильно поняла? Может, что-то было неправильно переведено? Ты ведь точно отправила ей интервью в том же виде, в каком я его тебе прислала, так?

– Ну конечно! Ты же получила от меня письмо с отредактированной версией. Я просто добавила парочку не сильно важных запятых и исправила форматирование в некоторых местах. Да, я бы ни в коем случае не стала оставлять за рамками все интересные детали, но это же твой текст. – Дана качает головой. – Мне кажется, что она просто испугалась. Очевидно, шаг в сторону общества оказался преждевременным.

– Да, возможно, – неуверенно отвечаю я. Я просто не могу понять. Если дело в этом, мы бы просто укоротили интервью. Или могла бы просто сказать, что передумала. Но в письме от ее менеджера написано, что Кристина считает интервью искажением действительности. А я абсолютно убеждена, что мое интервью таким не было.

– Вероятно, она еще просто не готова и теперь жалеет, что дала интервью. Или галлюцинации сильнее, чем предполагалось. – Дана коснулась моей руки. – Как бы там ни было, вероятность велика. И тем не менее было неправильно тебя так кидать.

Конечно, это так. Официантка приносит нашу еду, и я убираю свою руку от руки Даны, чтобы взять вилку. Мне в самом деле интересно, что скажет по этому поводу Кристина.

###

Ничего. Кристина Аткинс, хранительница бесчисленного множества писем от Лив Баумгардт, не говорит обо всей этой истории ничего.

Этим утром мой будильник едва успел зазвонить, потому что я уже схватила мобильник и проверила почтовый ящик. Но даже никакая мольба «Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста» во время загрузки страницы не смогла отменить тот факт, что среди рекламного мусора и спама не нашлось письма от Кристины.

Проклятье! Почему она так поступает?

У меня нет другой возможности связаться с ней напрямую, кроме как писать ей на электронный адрес. Вчера ее менеджер четко и ясно дал мне понять, что Кристина считает тему закрытой и я могу больше ее не беспокоить. Но я все равно целое утро потратила на то, что

написала ей еще три письма, а между ними металась по квартире, как ненормальная. Когда в итоге я, полностью раздавленная, набираю номер Яна Бремера, то просто не знаю, что еще могу предпринять. Со вчерашнего дня я отправила Кристине одно за одним семь писем, на которые она вообще никак не ответила. Я была дружелюбной. Я была вежливой. Я была в отчаянии. Я еще раз перечитала отредактированное интервью, которое переслала мне Дана, сравнила его со своими заметками, перевела весь текст и в конце еще раз отправила его Кристине с просьбой сообщить мне, что ей не понравилось – ноль реакции.

Бремер же, наоборот, реагирует молниеносно.

– Баумгардт. Надеюсь, у вас есть для меня приятная новость.

Судя по голосу, он бодр, энергичен и хорошо выспался, так что я рада, что в данную секунду не сижу напротив него.

Всю первую половину дня я не только отправляла письма в нирвану, но и выпила очень и очень много кофе. Сейчас я сижу за Харви, у меня маниакально дергается нога, взгляд неотрывно направлен на окно браузера с открытой электронной почтой.

– Баумгардт? Вы переговорили с мисс Аткинс?

– Нет, я... – Пытаюсь подавить нервный смешок. – К сожалению, она не отреагировала ни на одну из моих попыток с ней связаться.

На другом конце линии царит тишина, и с каждой проходящей секундой мой желудок скручивается все сильнее. Все это не хорошо. Совсем не хорошо.

– Ну, – наконец заговорил Ян Бремер. – Очень жаль, но по этому поводу мне сказать нечего. Я еще вчера распорядился убрать рекламу с нашей интернет-страницы. Теперь мне нужно проинформировать руководство издательства. – Он делает паузу, которая превращает его слова в стальные дробы. – Желаю вам хорошего дня. – Раздается щелчок, и я даже не успеваю с ним попрощаться.

Он пожелал мне хорошего дня. С таким же успехом мог бы пожелать мне хорошей дальнейшей жизни.

Отрывистым движением я тру рукой горящие глаза. Да уж. Видимо, это все. По крайней мере, я не соврала маме, когда сказала, что скоро перестану писать эти глупые звездные новости. А вот что я после этого буду как бы безработной... об этом я ей лучше поначалу рассказывать не буду. У меня в ушах и без того уже раздается ее укоризненно-самоуверенный голос: «Я же тебе говорила. Твоя писанина ни к чему не приведет».

Неважно. Глубоко вздохнуть.

С закрытыми глазами я несколько раз равномерно вдыхаю и выдыхаю.

Это поражение, не более того. Я не буду сейчас устраивать из этого драму. Даже с учетом того, что работа в «Глобусе» составляла две трети моего дохода. Если ее я потеряю, то моим единственным регулярным заработком останется колонка в аптечном журнале. Однако гонорара за нее и близко не хватит даже на оплату съемного жилья, а мои жалкие накопления закончатся в лучшем случае уже в декабре. И как мне так быстро получить новые заказы? Маловероятно, что Ян Бремер напишет мне рекомендательное письмо.

Но ведь бывает и хуже. Да, я практически безработная, а следовательно, скоро стану и бездомная, но я все еще здорова, так с чего бы мне реветь?

Я медлю пару мгновений, потому что, кроме работы, нас вообще-то больше ничего и не связывало, а потом все же выбираю в списке контактов Дану. Через четыре длинных гудка она снимает трубку.

– Лив? Привет. У тебя все в порядке? Ты связалась с Кристиной Аткинс?

– Нет. – Черт. Глаза до сих пор горят, пусть я только что и решила, что тут не из-за чего реветь. – Я до бесконечности строчила ей электронные письма, но она просто на них не ответила.

– А ты не можешь ей позвонить?

– Для интервью она звонила с неопределяемого номера.

– Ах вот оно что... – На заднем плане слышны голоса, кто-то засмеялся. – А что по этому поводу говорит Бремер?

– Ну, а что он может сказать. – Мои старания звучать безразлично провалились на корню. – Что он жалеет, что вообще однажды со мной познакомился, примерно так.

– О, Лив. Вот дерьмо.

Между нами повисает тишина, которая в какой-то момент прерывается быстрым «Просто положи туда, я сейчас посмотрю» со стороны Даны.

– Ты занята, – понимаю я.

– Прости, да, но я попозже еще тебе перезвоню, о'кей? Тогда мы сможем спокойно поговорить, – отвечает Дана с сочувствием в голосе. – Мне правда очень жаль, Лив. Может, Бремер еще успокоится.

Пару мгновений спустя я аккуратно кладу смартфон на стол. Меня тошнит. Устало смотрю на документы на своем письменном столе.

Разумным поступком было бы сейчас начать делать что-нибудь продуктивное. Попытаться счастья с новыми, убедительными идеями в газетах и журналах. Возможно, мне просто стоит предложить свою статью про Аннемари и Сару другому журналу? В смысле, старые женщины и овечки – это ведь...

Думаю, сначала мне понадобится джин-тоник.

###

Пару часов спустя не могу утверждать, что мне действительно стало лучше, но в какой-то момент я все-таки включила ноутбук. Рядом с ним стоит стакан с джином, тоник у меня закончился уже давно.

Ну и что мне дало это треклятое, никому не нужное, дурацкое образование, полученное в рекордные сроки? Я апатично уставилась на список с контактными данными штатных журналистов, с которыми уже имела дело. И еще я создала второй список – с известными газетами и журналами, в которых у меня еще нет связей. Первый плачевно мал, в то время как второй стабильно увеличивается.

Я из кожи вон лезла, не думала ни о чем, кроме семинаров и домашних заданий. Участвовала во всех стажировках, на которые удавалось попасть, работала ночи напролет, чтобы успеть пройти как можно больше обязательных дисциплин за семестр, и куда меня это завело? В уголок звездных слухов «Глобуса», а оттуда – в тупик. В двадцать два года. Мне пришлось затормозить, я врезалась в стену, а первую важную работу – как там так емко выразился Бремер? – запорола. Профукала. Выбросила на ветер. И даже не знаю, по какой причине, чтоб ее!

Уже долгое время я подавляю в себе желание написать Кристине еще одно письмо, в котором высказала бы все, что я о ней думаю. Потребовала бы обратно мой коллаж с лошадьми и все мои письма. Нашему общению пришел конец.

По дороге в туалет я сначала опираюсь на Харви, потом держусь за дверной косяк. К этому моменту уже стемнело, и мне потребовалось несколько заходов, чтобы зажечь свет на кухне, в прихожей и наконец в ванной. Противные маленькие, изворотливые выключатели света.

Дана тоже больше не позвонила, а тем временем сейчас уже... уже почти семь. Она явно еще торчит в редакции, но могла бы и позвонить между делом. Ведь я же ее единственная подруга, и мне, будь оно все неладно, ужасно плохо.

Минуточку, нет, все не так. Она *моя* единственная подруга. А это уже нечто совсем иное. Быть может, она и вовсе не настоящая подруга. Скорее, коллега по работе, с которой я время от времени ходила на обед, а если в будущем этого не предвидится...

На обратном пути к столу я цепляюсь пальцами ног за дверной порожек и, вскрикнув, скачу по комнате, потом ударяюсь бедром об острый угол Харви и спотыкаюсь при попытке усесться на стул.

Господи, как же отвратительно я себя чувствую. А всем все равно. А что было бы, если бы я только что не бедром ударилась, а разбила бы череп о столешницу? Спорим, никто бы целую вечность этого не обнаружил? А кто бы заметил? Маму можно не ждать еще приблизительно четыре недели, дедушка, наверное, оправит по почте одно-два безответных письма, а в «Глобусе» тоже по мне никто не будет скучать. У меня остался разве что Хериберт Балдауф, ипохондрик, и полагаю, в моей следующей колонке я заставлю его умирать от перелома пальцев. Заражение крови или что-то в этом духе.

Это считается мыслями о самоубийстве, если человек хочет убить свое литературное альтер эго? Почему-то это вызывает у меня опасения. Лучше я вернусь к своим планам на будущее. Второй лист еще и близко не завершен.

Я скользнула взглядом к светящемуся монитору.

Или может быть...

Забиваю в поисковик: «Объявления о работе». А почему бы и нет? Глянуть, нет ли там чего-нибудь, чем я могла бы временно заняться: сидеть на кассе или типа того. Чтобы в ближайшее время не пришлось сидеть под каким-нибудь мостом.

Техник, медицинский работник, сотрудник на выездную работу. Руководители проектов и административные ассистенты, на должности которых указаны такие требования, что, благодаря своему расшатанному джином мозгу, я даже не могу их выговорить. Администратор для «Citrix»²? А это еще, ради всего святого, что такое? Оказание техподдержки второго уровня в области устранения помех и решения проблем – простите, что? Из меня точно не получится администратор для «Citrix».

Почему тут нигде не написано: «Работа для неопытных, разочарованных людей чуть старше двадцати лет. Специальных знаний не требуется, чуть-чуть уверенности в себе приветствуется»?

Я кручу и кручу колесико мышки, пролистывая руководителя отдела в сфере бизнеса, разработчика программного обеспечения, универсального юриста, служащую банка и консультанта по продажам. Моя жизнь под мостом будет прекрасна. Я посажу там цветочки.

ОТПУСК!

Поспешно прокручиваю страницу обратно. Отпуск? Кто-то ищет отпуск? Среди вакансий? Я кликаю на объявление.

ОТПУСК!

Требуется человек для присмотра за домом в отсутствие хозяина на срок от шести месяцев, по возможности срочно. Бесплатное питание и проживание, большая сумма на карманные расходы. Идеально для того, кто не испытывает проблем из-за длительного пребывания в отрыве от общественной жизни.

Сконцентрировавшись, я три раза подряд перечитываю объявление. Оно опубликовано неделю назад, но в этих строчках так мало информации, что, вероятно, не много людей заинтересовались? Я имею в виду, кто реально захочет минимум на шесть месяцев целиком отключиться от своей прежней жизни?

Шесть месяцев.

С края стола скатывается карандаш, когда я тянусь за бутылкой с джином, чтобы долить себе малюсенький глоточек.

² Citrix Systems – компания, занимающаяся разработкой программного обеспечения для различных устройств, облачным сервисом и виртуализацией.

Этот дом определенно находится на краю света, где-то, куда никто не хочет ехать. Иначе объявление было бы приправлено большим количеством деталей. Может быть, дом – это вообще не дом, а... хижина в тропическом лесу где-нибудь на высоте тридцати метров. Или пещера.

Плохо, если это пещера.

Разве что это обустроенная пещера с электрическим освещением. И с джакузи. Об этом наверняка можно было бы написать увлекательную статью. «Как я полгода жила в пещере класса люкс на краю света».

Недолго размышляю на эту тему, а затем мотаю головой, но быстро прекращаю, потому что от этого перед глазами все кружится. Лучше без пещер.

Мой взгляд вновь притягивает объявление. Отпуск.

Остановить время, сделать паузу, подумать. Возможно, на краю света меня посетят новые идеи. Чем дольше я обдумываю эту мысль со всех сторон, тем больше она мне нравится.

Свою квартиру я явно пересдам. Это стало бы передышкой. А за то время нашла бы новые заказы. И проблем с отрывом от общественной жизни у меня вообще никаких нет. У меня просто нет общественной жизни.

Придя к такому умозаключению, я сажусь так прямо, как только способна в своем нынешнем состоянии.

Естественно, никто еще не отозвался на это крошечное, незаметное объявление, так как оно было написано исключительно для меня – для крошечной, незаметной Лив Баумгардт, которая живет в Гамбурге, в районе Оттензен. Оно было написано для меня, чтобы предотвратить будущее, в котором меня съедят мои же кошки, если я умру у себя в квартире.

Попутно сражаясь с вопросом, что печальнее, быть сожранной своими кошками или вообще не иметь кошек, которые могли бы тебя сожрать, я навожу мышку на слово «Контакт» под объявлением. После этого в течение нескольких минут раздумываю над подходящим приветствием.

Уважаемый создатель объявления/

Уважаемая создательница объявления.

Когда перечитываю обращение еще раз, выглядит оно как-то не очень красноречиво, но, может, это наглядно подтвердит, что я буквально создана для антисоциальной жизни.

Ваше объявление вызвало у меня интерес, и я хотела бы предложить свою кандидатуру на должность смотрящей за домом где-то в Нигде.

Погодите, в объявлении встречалось «где-то в Нигде»? Плевать, сойдет.

Буду рада, если Вы еще не нашли никого, кто сильнее меня желал бы с завтрашнего дня на полгода поселиться в австралийских джунглях.

Что-то я там, думаю, перепутала, но какая разница.

В случае, если Вы уже кого-то подыскиали, я скоро въеду в свои новые апартаменты под миленьким гамбургским мостом и с удовольствием приглашаю Вас к себе в гости.

Немного давления. Не повредит. Или еще упомянуть, что мне угрожает быть съеденной кошками?

Еще один глоточек. А сколько, кстати говоря, изначально было в этой бутылке джина?

Оставляю кошек в покое, нельзя же преувеличивать. Вместо этого добавляю свои контактные данные, дописываю в самом конце наилучшие пожелания и кликаю на «Отправить».

Вот. Так моя жизнь могла бы быть спасена. По крайней мере, на следующие шесть месяцев.

Я неуклюже встаю, чтобы собрать сумку. Ведь, если я правильно запомнила, начнется все завтра.

Странно, но пол, похоже, уходит из-под ног. Шатаясь, я иду по комнате, несколько минут рассматриваю свою спортивную сумку, которая по ощущениям лежит на высоте примерно метров восьми на самом верху платяного шкафа, а затем очень осторожно сажусь на кровать. Кажется, что все плавно раскачивается туда и обратно. Голова кружится. И еще тошнит немного.

Наверное... обо всем остальном я позабочусь завтра. Конечно, времени хватит, если выезжать днем.

3

Свет от люстры на потолке пробивается сквозь мои закрытые веки. Я со стоном перекачиваюсь на живот и утыкаюсь лицом в подушку в попытке заглушить стучащую боль в черепной коробке.

События прошедшего дня доходят до моего мозга лишь разрозненными фрагментами. О боже.

Отказ Кристины. Разговор с Яном Бремером. Джин с тоником. Джин без тоника.

Я с трудом сажусь и осматриваюсь вокруг, наполовину прищурив глаза. Как бы то ни было, мне повезло, и меня не стошнило в каком-нибудь углу.

Охнув, аккуратно перекидываю ноги с кровати на пол. Прежде провал в памяти у меня случился только один раз за всю жизнь, на музыкальном фестивале. Тогда я очнулась в клинике, куда меня – едва реагирующую на речь несовершеннолетнюю девчонку – недолго думая сдали в руки санитарам сотрудники фестиваля.

В этом отношении мне, видимо, стоит быть благодарной, что сейчас я могу без свидетелей прошлепать в ванную, а не смотреть в обеспокоенные глаза бабушки.

Хотя, по всей вероятности, этот взгляд меня еще коснется, если впоследствии я вынуждена буду спрашивать, нельзя ли мне переехать к нему и Эрнесту. Исходя из текущего баланса моего счета, я еще смогу оплатить аренду за ноябрь. И даже должно будет остаться на достаточное количество еды, чтобы не умереть от голода. Но на этом все. Если в следующем месяце я не найду более крупные заказы, придется тяжко. И только в самом отчаянном случае я попрошу помощи у мамы, а, может быть, и тогда не попрошу.

В ванной я сначала брызгаю себе в лицо холодной водой, прежде чем вылезти из мятной одежды и встать под душ.

Двадцать минут спустя я чувствую себя практически человеком. Завязав влажные волосы в небрежный пучок и натянув любимую толстовку, шаркаю на кухню, чтобы включить кофемашину. Никакой перестройки собственной жизни без кофе.

Пока кофеварка тихонько фырчит, я ищу мобильник и нахожу его на Харви. Чувствую укол обиды, когда вижу, что Дана так и не объявилась. Конечно, мы не болтаем по телефону сутками напролет, но почему-то я считала, что она не забудет обо мне в такой день, как вчера.

Со все еще пульсирующей головой я села за письменный стол, раскрыла ноутбук и перепроверила электронную почту. Возможно, Кристина все-таки...? Но нет.

Наверняка существуют люди, которые смиряются с печальными новостями гораздо быстрее, чем я.

Нажатием клавиши открываю первый из двух моих вчерашних редакционных списков. Ладно, вот они все, стоят и ждут. Ждут блестящих идей, неожиданных творческих предложений, интересных статей.

Опять поднимаюсь, потому что уже приготовился кофе. Я наливаю себе первую чашку кофе, разбавляю его теплым молоком и сажусь обратно за Харви – и начинаю ломать голову.

##

Где-то к половине третьего у меня готов файл с одиннадцатью задумками. Одиннадцать потенциальных заказов, некоторые из которых можно развить в серию статей. Я рассортировала их среди людей, которые могли бы ими заинтересоваться, и начала писать сопроводительные письма. Примеры текстов и краткое резюме для редакций, с которыми я прежде не работала, то есть для большинства. Своему аптечному журналу я предложу материал о позитивных

аспектах веганства. Сама я вегетарианка, но сейчас на этом уже дополнительных очков не зарабатываешь – стало слишком обыденным.

Часам к шести я отправила все свои идеи в мир, причем большую часть сразу в несколько редакций, и, в какой-то степени довольная, вздыхаю и потягиваюсь, поднимая руки к потолку. Смотрите все, Лив Баумгардт, взрослая, независимая и вновь хозяйка своей судьбы.

Я как раз прикидываю, не стоит ли отметить сегодняшний день и снова что-нибудь приготовить, возможно, даже веганское ради исследования, когда вибрирует мой телефон. Подумав, что это Дана, я чуть не глядя не ответила на звонок, как вдруг мой мозг обработал информацию: на экране отобразился неизвестный номер. Сердце у меня начинает биться быстрее. Первая реакция на мою почтовую армаду?

– Добрый день, меня зовут Макс Ведекин. Я говорю с Лив Баумгардт, чье будущее место жительства будет находиться под одним из мостов Гамбурга, если это максимально быстро не предотвратить?

На несколько мгновений у меня пропал дар речи.

– Прошу прощения...? – слабым голосом переспрашиваю я. Несколько обрывочных воспоминаний с готовностью проникают в черную дыру ужаса, которая во мне разверзлась. Вот черт.

– Прямо сейчас я смотрю на сообщение, в котором вы пишете, что хотите присмотреть за домом по моему объявлению. Вы же Лив Баумгардт, верно?

– Да, – выдаю я высоким голосом и быстро откашливаюсь. Господи, как стыдно. С невероятной скоростью мои пальцы летают над клавиатурой в поисках письма, которое я прошлой ночью, по-видимому, отправила этому явно забавляющемуся мужчине по ту сторону телефона.

О, Боже, Боже, Боже, прошу, сделай так, чтобы не все, что сейчас проигралось на освещенной софитами сцене у меня в голове, оказалось правдой.

«Австралийские джунгли», – читаю я, плюс еще тот отрывок про мосты. Господи Боже, остается только радоваться, что я хотя бы не дописала про кошек, поедающих трупы.

– Так вы действительно заинтересованы в этом?

У Макса Ведекинда низкий голос, говорит он медленно и с легким северо-немецким акцентом. А также он очень терпелив, если исходить из того, как спокойно он ждет уже несколько секунд, пока я подыскиваю подходящий ответ.

– Разумеется, – наконец произношу я, хотя на самом деле я сейчас сама не своя. – Было бы...

А как именно это было бы? Замечательно? Захватывающе? Возмутительно глупо?

– Тогда предлагаю нам с вами встретиться лично, чтобы составить собственное впечатление друг о друге и, возможно, обсудить детали более подробно. – Ведекин заполняет в который раз затянувшуюся паузу. – Когда вам будет удобно?

– Ну... – Как мило со стороны этого мужчины, что, несмотря на впечатление, которое я произвожу по телефону, он все еще хочет услышать обо мне больше. – На этой неделе мне бы подошло.

– Тогда как насчет прямо завтра после обеда? В три часа?

Через две минуты я записала адрес Ведекинда на подложке письменного стола и положила рядом свой смартфон.

Сумасшествие.

Это полное сумасшествие.

Зачем я согласилась на встречу? Да я ни за что не проведу следующие полгода у черта на рогах, будь это в Австралии и где там еще. Нужно сейчас же перезвонить этому вежливому человеку и все четко объяснить.

Вместо этого я встаю и иду на кухню, чтобы опять задуматься перед открытой дверцей холодильника.

И как бы это смотрелось в резюме? Как побег социофоба?

Холодильник равномерно гудит, в то время как мой взгляд бродит по маргарину, молоку и начатой пластиковой упаковке с хумусом. Я бы с удовольствием съела суши, но больше не могу их себе позволить. Лучше сварить лапшу или доест хумус.

А, может быть, это выглядело бы так, словно я перестала работать на «Глобус», чтобы... чтобы... каким-то образом набраться нового опыта. Новых впечатлений. Расширить свои горизонты. Разве не существует даже специальных семинаров в монастырях для менеджеров, страдающих нервным истощением? Где все сидят и молчат, и так несколько месяцев? Хорошо, в возрасте чуть за двадцать я не попадаю под категорию «нервно истощенные менеджеры», но это могло бы показать меня как человека открытых взглядов. Смелая. Готовая выбираться из тупиковых ситуаций. Захлопываю дверцу холодильника и ставлю кипятиться воду под лапшу.

В конце концов, встреча с Максом Ведекиндом еще вообще ничего не означает. Я ведь не договор подписываю. Вполне вероятно, что я и вовсе не соответствую его ожиданиям – хуже не будет, если я просто завтра его выслушаю.

С тарелкой спагетти возвращаюсь обратно за стол и пробегаю взглядом электронный ящик. Кто-то хочет продать мне подъемник для инвалидных колясок.

А еще не будет хуже иметь план Б. Просто на всякий случай.

###

На следующей день в условленное время я нажимаю на дверной звонок Макса Ведекинда, который обнаруживаю в центре дорогой на вид пластины из природного камня. Этот мужчина живет на вилле в стиле модерн с белыми оштукатуренными стенами, расположенной на тихой улочке в районе Бланкенезе. Из-за кованых ворот на меня смотрит камера.

– Да, слушаю?

– Лив Баумгардт. Я пришла на собеседование, – отвечаю я и улыбаюсь в камеру. Что-то жужжит, ворота плавно открываются внутрь, и я с любопытством ступаю в передний двор с садом. А тут красиво, даже сейчас, в октябре, когда все опадает. Плющ оплетает стены дома, а деревья, уже почти лишенные листвы, раскинули свои ветви высоко над домом с белыми переплетами на окнах. Если Ведекинд все-таки чокнутый маньяк – а я еще окончательно не исключила такой вариант – то, по крайней мере, он очень обеспеченный чокнутый маньяк.

Тут открывается входная дверь, и в дверном проеме появляется пожилой мужчина, одной рукой опирающийся на тросточку. По всей видимости, это и есть Макс Ведекинд. На нем куртка в клеточку, а короткие, торчащие в разные стороны седые волосы выглядят так, будто я только что выдернула его из сладкого послеобеденного сна. Темно-зеленый шейный платок в горошек не гармонирует с основным горчично-желтым оттенком клетчатого узора – он сразу же напоминает мне моего дедушку и моментально вызывает симпатию.

– Добрый день! – Он приглашающим жестом зовет меня внутрь. – Замечательно, что вы так пунктуальны. В наши дни это уже не считается обязательным качеством. – Он прикрывает за нами дверь и с очаровательной улыбкой указывает на открытую двустворчатую дверь на другом конце холла. – Позвольте пригласить вас в гостиную.

Макс ведет меня к двойной двери, передвигается он осторожными шагами и с осмотрительностью, но, похоже, трость использует лишь для надежности.

На входе в гостиную у меня на краткий миг приоткрывается рот. Надо было взять с собой Харви. Комната почти такая же огромная, как вся моя квартира. Господи, да половина моей кухни вместилась бы в один камин из красного кирпича. На широкой каминной полке расставлены фотографии в золотистых рамках. Заинтересовавшись, подхожу ближе.

– Хотите чего-нибудь выпить?

Отвожу взгляд от фотографий, на которых изображен более молодой Ведекинд вместе с какой-то женщиной. С годами он не утратил свою обворожительную улыбку.

– Воды, если можно. Спасибо, вы очень любезны.

Он берет графин со столика, стоящего рядом с темно-красным бархатным диваном. Слышу плеск воды. Перед тем как протянуть мне стакан из изящного хрусталя, он серебряными щипчиками бросает в него дольку лимона. Стараясь ничего не разлить, сажусь в кресло с толстой обивкой.

Джакузи где-то в Нигде снова всплывает на горизонте. У меня пробудился настоящий интерес, хотя несколько вопросов по-прежнему остались открытыми. Найти человека, который присмотрит за виллой наподобие этой, не представляется мне тяжелой задачей. Так в чем же подвох? Участок находится в Северной Корее? Жилье прямо рядом с Трампом? Надо не только присматривать за домом, но и ухаживать за тридцатью восемью собаками? Я бы без проблем позаботилась о собаках, но в Северную Корею, само собой, не полечу.

– Итак. – Хозяин дома присаживается на диван напротив меня. – Вы прочитали объявление и теперь, конечно же, хотите узнать более точные сведения.

Так и есть, поэтому я кивнула.

– Могу ли я для начала задать вам вопрос, почему вы ответили на мое предложение? По вашему письму я могу сделать вывод, что у вас финансовые трудности, не так ли?

– Еще нет, – мгновение спустя отвечаю я. Смущенно вцепившись в стакан с водой, все же решаю говорить правду. – Я работаю журналистом-фрилансером. До недавнего времени среди прочего я писала для журнала «Глобус». К сожалению, в обозримом будущем это будет... ну, регулярные тексты для этого журнала... – Когда я говорю об этом вслух, моя почти-безработица выглядит такой реальной, что у меня просто-напросто язык не поворачивается это произнести.

– С недавних пор вы больше не работаете в «Глобусе», – подвел итог моим попыткам Ведекинд.

Внезапно почувствовав себя такой измотанной, я делаю глоток воды с привкусом лимона.

– Так и есть, – заключаю я.

– По этой причине вы неожиданно решили оставить семью и друзей и ответить на объявление, которое обещало вам побег на шесть месяцев?

– Именно. Нет, я имею в виду... – Господи, Лив, возьми себя в руки. Я делаю один глубокий вздох, чтобы собраться. И на этот раз желательно отвечать законченными предложениями. – Моя семья не живет в Гамбурге. Мы общаемся большей частью по телефону или письмами. И у меня... не много друзей. – Их вообще нет, мысленно договариваю я, до сих пор обиженная на молчание Даны. – Эти шесть месяцев я использую, чтобы снова встать на ноги с работой.

– Но вы еще так молоды.

– Мне двадцать два. – Я чувствую себя такой незащитной под его задумчивым взглядом. – Немного рановато, чтобы разбиваться о стену тупика в профессии, так ведь? – Надеюсь, я улыбнулась иронично, а не несчастно.

– О, нечто подобное случалось в моей жизни не один раз... – отмахивается мужчина. – Признаться, я с трудом могу представить, что человек в таком юном возрасте, как вы, действительно со спокойной душой хотел бы попрощаться со своим привычным окружением.

Со спокойной душой... Мне нравится, как разговаривает Ведекинд. Такие приятные старые манеры.

– Я была очень сосредоточена на своей учебе. А после этого – на работе. На что-то другое оставалось мало времени.

– Тогда вам, должно быть, весьма тяжело было потерять место в «Глобусе».

Это утверждение, не вопрос, и я опять молча ограничилась кивком головы.

Он еще недолго задумчиво на меня смотрит, а затем придвигается слегка вперед на диване и опирается на трость, стоявшую все это время рядом с ним.

– В таком случае следует описать вам объект, о котором идет речь, так? Это маяк в Северной Атлантике, примерно в двенадцати километрах от юго-западного побережья Ирландии. Маяк не особенно впечатляющей, ничего не подумайте. Простой белый маяк, не очень-то высокий. Вот так. – Он потягивает воду, которую налил в свой стакан. – По крайней мере, слово «белый» ближе всего подходит к его реальному цвету. Верхнюю фонарную площадку украшают красивые красные перила, но на вашем месте я не стал бы на них облокачиваться.

– Маяк. – Моя джакузи тонет со страдальческим «бульк». – В Ирландии.

– Совершенно верно. Небольшой маяк, ныне выведенный из эксплуатации. Не один из тех громадин, какие есть на шотландских и ирландских берегах. До недавних пор я сам на нем жил.

– Вы. На маяке. – Несмотря на то, что Ведекинд сделал все возможное, чтобы у меня не сложился подобный образ, перед моим внутренним взором появляется величественная башня, возвышающаяся над черными утесами, о которые разбиваются штормовые волны.

– Весной на маленьком острове пасутся овечки, – добавляет Макс.

Мой мозг заторможенно пытается пристроить посреди остроконечных камней луга для овец.

– Увы, некоторое время назад со мной произошел небольшой несчастный случай – никогда не недооценивайте один-единственный шатающийся камень. Ничего серьезного, но старым костям требуется время для полного выздоровления, не правда ли? Потому я решил провести зимние месяцы здесь, в Гамбурге. Врачей это тоже радует, поскольку им не хотелось перенаправлять мою реабилитационную программу в Северную Ирландию.

В этот момент кажется почти невозможным не ответить на его почти лукавую усмешку.

– И тут в игру вступаете вы.

– Но... Если этот маяк больше не выполняет своих функций...? – Нуждается ли в присмотре маяк, который больше не светит? Ведь маловероятно, что самый обыкновенный ирландский взломщик заинтересуется пустым маяком на одиноком острове, разве нет?

– Что ж, скажу вам напрямик, юная леди, так как я сумасшедший старик и только из-за моих денег это зовется эксцентричностью: этот маяк не любит оставаться один.

Я прерываю ход своих мыслей, изумленно уставившись на него.

– Одиннадцать лет я прожил на этом острове, и за все время мы никогда надолго не расставались. В отличие от вас это очень общительный маяк, – подмигивает мне Ведекинд.

– А не достаточно ли, чтобы кто-нибудь время от времени...

– Но в этом случае не возникнет привязанности. – В голосе Макса Ведекинда проскальзывает легкое возмущение. – Хотя, следует признать, я размышлял об этом. Но вот представьте, что бы было, если бы я с этим согласился? Какой мост вы бы себе выбрали?

А вот тут он прав. Я бы действительно предпочла жить *на* маяке, а не *под* мостом. Почему-то Ведекинд все больше напоминает мне дедушку. Дедушку с его мебелью. Вместе с этой мыслью у меня возникает вопрос:

– У вашего маяка есть имя?

– Ну конечно же.

Конечно.

Шесть месяцев. На маяке. Чтобы маяку не было одиноко.

Чтобы быть предельно откровенной, это на самом деле звучит как сумасшествие.

###

Я попросила время подумать до завтрашнего дня, после того как в конце нашего разговора владелец маяка с доброй улыбкой предложил мне работу. Он сказал, что у него сложилось обо мне приятное впечатление. Теперь уже мне самой надо разобраться со своими впечатлениями по этому поводу.

Провести полгода одной среди овец. Или даже совсем одной, потому что овец привезут не раньше конца февраля. Я буду там бесплатно жить и питаться, в башне есть проточная вода, электричество и относительно стабильный интернет. И все, что мне понадобится, будет доставляться на остров. Как конкретно это работает, я пока так и не сообразила.

Еще Макс Ведекинд упомянул, что я смогу в любое время ездить в Каслданнс – деревню, в которой я должна буду сесть на переправу.

Дома я раскладываю на Харви все бумаги – карты местности, фото, информационные буклеты и трудовой договор – которые мне вручил Ведекинд. Больше всего меня интересуют фотографии острова – он подписан как «Саогаш», и я задаюсь вопросом, что это означает – и, естественно, изображения маяка. Да, он немного простоват, зато как выделяется его белизна на фоне пронзительно синего неба. Тем не менее от картинки в моем воображении он не сильно отличается. Маяк действительно возвышается над черными скалами, которые штурмуют коронованные пеной волны.

Когда я начала внимательнее разглядывать план комнаты, завибрировал мобильник. Дана. Выходит, она до сих пор обо мне помнит.

– Лив, прости! Надеюсь, ты не обиделась. Я вчера чуть ли не до полуночи просидела за компьютером, а сегодня рано утром опять нужно было в редакцию, проработала весь день без передышки...

– Да все в порядке, – прерываю ее я. И это правда так. Пускай еще больно слышать слова «редакция» и «работа», но боль уже не такая сильная, как ожидалось. Я вновь опустила глаза на фотографии. Обрывистые скалы, каменистый берег. А также зеленые луга, где легко можно представить себе овечек.

– И все равно, извини меня, – удрученно оправдывается Дана. – Как ты там?

– Вполне вероятно, я нашла себе новую работу.

– Что? И как же тебе это удалось? Так быстро? И где?

После этого вопроса мне приходит в голову, что по возвращении домой я ни разу не проверила почту, поэтому запускаю компьютер.

– Буду присматривать за маяком.

– Что?

– Я буду заботиться о маяке, потому что он не выносит одиночества.

– Ты что, напилась?

При взгляде на свой почтовый ящик повторение попойки с джином прошлой ночью уже не видится мне такой уж плохой мыслью. Ни одна из редакций, в которые я написала, не отозвалась на мои предложения. Даже мой аптечный журнал. В это мгновение трава на острове с маяком кажется мне даже чуть-чуть зеленее.

– Передо мной лежит трудовой договор, и если я его подпишу, то буду полгода жить на острове на маяке. Где-то в Ирландии.

– Ты хочешь жить на маяке? На острове?

– Да, – говорю я. И понимаю, что говорю честно. Да, я думаю, что хочу эту работу. Этот тайм-аут.

– Но... но... на целых полгода... Я имею в виду, если тебе сейчас вдруг захотелось отдохнуть...

– Мне не захотелось отдохнуть, – перебиваю я Дану. – Я не могу себе позволить отдыхать. Я пересдам свою квартиру, перееду на этот остров и за следующие месяцы придумаю, как быть дальше.

– И сколько это будет стоить?

– Нисколько. Я же сказала, это работа.

На другом конце связи на минуту воцаряется тишина. Мои мысли кружатся вокруг слова «отдых». В действительности ничего не мешает мне рассматривать это как своего рода отдых. Северная Атлантика сейчас – это вам, конечно, не Средиземное море, но, возможно, там тоже где-то можно искупаться. Например, в какой-нибудь бухте? Весной?

– А хозяин маяка? – в итоге спрашивает Дана.

– А что с ним?

– Он тоже там живет?

– Нет, – терпеливо разъясняю я. – Обычно он живет там, но пару недель назад он неудачно упал. Сейчас проходит реабилитацию и решил вернуться на маяк только летом.

– Он симпатичный?

– Маяк?

Дана хохочет:

– Нет, владелец, конечно же. Он ирландец? Может, он планирует при удобном случае заглядывать на свой маяк?

Типичная Дана. Не могу не улыбнуться.

– Владелец носит клетчатые куртки горчичного цвета и разменял шестой десяток, – спустила я ее с небес на землю. – Но тем не менее он очень милый.

Интерес Даны к Максу Ведекинду исчезает так же резко, как и появился.

– Я бы никогда так не смогла! Шесть месяцев на отдаленном острове? Совсем одной? А что ты будешь делать, если однажды ночью ни с того ни с сего кто-нибудь постучит в дверь?

– Это же отдельно стоящий остров, Дана.

– Тем хуже.

С раздраженной улыбкой я отбрасываю в сторону слова Даны.

– Я рассматриваю все это как испытание.

– Ну да, не знаю даже... а сколько времени у тебя на размышления?

– До сегодняшнего вечера, – ответила я, но столько много времени мне уже не понадобится. После того как через пару минут я распрощалась с Даной, повторно бегло просматриваю все документы и, кинув последний взгляд на небольшой белый маяк, ставлю свою подпись в договоре.

###

Раньше я и подумать не могла бы, что всю мою прошлую жизнь можно за три недели распихать по коробкам, выдать студенту-португальцу по имени Андре ключи от моей квартиры вместе с подробными инструкциями, особенно в отношении Харви, и в один серый, дождливый четверг в несусветную рань сесть в такси до аэропорта.

Ведекинд не удивился, когда я перезвонила ему, чтобы согласиться на вакансию. Мы договорились, что я уеду сегодня, первого ноября, и он пообещал, что позаботится о билетах на самолет и всем остальном на месте.

Португальского студента раздобыла Дана два дня спустя после нашего телефонного разговора. До тех пор он ночевал в переполненном общежитии и чуть не расплакался, когда я предложила ему на время переснять мою маленькую квартиру.

Последний пункт своего списка по подготовке к отъезду я вычеркнула вчера и так закупила в магазине для путешественников, что, по всей вероятности, несколько месяцев выжила

бы даже в австралийских джунглях. Ну, в смысле, теоретически. Впервые в жизни в моем гардеробе появились походные ботинки и куртка, которая обошлась мне дороже, чем любой когда-либо купленный предмет одежды. У нее отстегиваются разные части, и, если я правильно поняла продавца, ее можно надевать как на экспедиции в пустыню, потому что в ней не потеешь, так и в Антарктиду, потому что в ней тепло. Это был очень хороший продавец.

Дана, которая звонила вчера вечером, чтобы пожелать мне удачи, смеясь, уточнила, не собираюсь ли я в новых походных ботинках по десять раз на дню обходить свой маленький остров. Так что я решила не афишировать, что, кроме этого, мне впарили мини-рюкзак с набором для выживания.

Капли дождя колотят по окнам такси, а в просветы между ручейками воды видны другие машины – смазанные красные пятна габаритных огней. Последние недели пролетели мимо меня на огромной скорости, и в данный момент я бы не удивилась, если бы вдруг такси просто сделало большой круг, высадило меня перед домом и все вновь пошло бы привычным чередом.

Мой аптечный журнал заинтересовался статьей про веганство. Но у меня просто не укладывается в голове, что я буду писать ее на маяке. Прямо сейчас я все еще сижу в душноватом тепле просторного «Мерседеса» и еду по оживленным улицам Гамбурга, но завтра в это же время я уже должна стоять на острове. Только я. И маяк. Это же... абсурд.

###

Моя цель – аэропорт Керри. Мне нужно делать пересадки в Лондоне и Дублине, но все проходит поразительно легко, потому что на пересадочных пунктах мне не приходится снова вылавливать оба свои чемодана. Я просто везу за собой чемоданчик на колесиках. Единственная неприятность, с которой я сталкиваюсь уже в Хитроу, – это мои ботинки. Они жмут. Надеюсь, причина в том, что они еще не разношены, так как дополнительно я упаковала только одну пару обуви, и я сейчас говорю о сандалиях. На весну.

От Дублина лечу на маленьком пропеллерном самолете. Земля подо мной изгибается невысокими холмами во всех оттенках коричневого и зеленого, когда мне удастся разглядеть что-то сквозь плотную завесу густых облаков. Погода, видимо, прилетела вместе со мной из Гамбурга, но я и не ожидала в Ирландии ничего иного, кроме как ветреной сырости в начале ноября.

Когда самолет снижается, я буквально прилипаю к оконному стеклу и не могу поверить, что вижу коров всего в паре метров от взлетно-посадочной полосы. Они даже голов не подняли, когда мы приземлились.

В самолете я снимала обувь и после посадки с неохотой снова ее натянула. «Модель идеально адаптируется к любой форме стопы», – утверждал продавец, и в магазине это еще казалось правдой. Теперь же эти тупые ботинки, похоже, больше хотели адаптироваться к какой-нибудь другой стопе. К стопе поменьше. Каждый шаг причиняет боль, кроме того, эти штуки ужасно тяжелые.

«Невероятно легкие для горных ботинок», – говорил продавец. А для чего мне вообще понадобились горные ботинки? Я буду шесть месяцев бегать в них по лугам и абсолютно точно не полезу на скалы, так почему же я не подобрала простые туристические кроссовки?

«Если вам на пальцы вдруг упадет камень, вы этого даже не почувствуете», – уверял продавец. Этот проклятый продавец. Он обязан был как минимум заметить, что эти ботинки мне не по размеру! О'кей, он много раз спросил, не упираются ли у меня пальцы спереди, но по ощущениям казалось, что они просто узкие, плотно обхватывают ногу и так и должно быть. Откуда мне было знать, где граница между «узкими» и «слишком узкими»?

Может быть, они все-таки просто новые.

Или чуть-чуть растянутся.

Помимо всего прочего, у меня возникла проблема покрупнее, как выясняется, пока я стою перед лентой выдачи багажа и провожаю взглядом последнюю сумку, которую какой-то мужчина только что уложил на багажную тележку. Проходит пятнадцать минут, и вежливая женщина на стойке информации объясняет мне, что оба моих чемодана не прилетели в том же самолете.

– Мне очень жаль, но ваши вещи все еще находятся в Дублине, – сочувствующим тоном заключает она. – Однако в течение следующего дня они гарантированно будут отправлены сюда.

Теперь у меня есть формуляр, который подтверждает, что я являюсь владелицей еще двух чемоданов, а у авиакомпании – адрес гостиницы, где я останусь на сегодняшнюю ночь. И тем не менее чувствую себя не в своей тарелке, выходя в терминал прибытия без своего багажа. Это всего-навсего шмотки, стараюсь внушить себе я, всего лишь шмотки. Практически все важные вещи лежат у меня в ручной клади, я даже косметичку туда переложила в последнюю секунду.

Итак, я начинаю свой шестимесячный отпуск, вооруженная одним только скромненьким чемоданом. Но на острове мне ведь много не понадобится, верно? Мой маленький милый остров, чьи утесы к тому моменту уже выросли в моем воображении раза в три, о высоте волн уж и говорить нечего. И мой маленький милый маяк, на котором я буду сидеть совсем одна.

Совсем. Одна!

Сквозь огромные окна терминала отрывается вид на хмурое серое небо. Сложно сказать, это просто тучи заставляют пейзаж выглядеть таким пасмурным или уже начало смеркаться.

Надеюсь, на маяке много ламп. Он же не просто так называется маяком, правда?

Поиграв самой себе на нервах, я выпрямляю спину. Макс Ведекинд прожил в нем много лет, маловероятно, что он жил там в темноте.

– Извините?

Я обернулась. Передо мной стоит высокий парень с темными волосами и такой улыбкой, при виде которой все проблемы моментально растворяются в воздухе. Дана бы в ту же секунду отрастила клыки, в этом я не сомневаюсь. Блин, *мне* нужно постараться не глазеть на него с глупым видом, а ведь я обычно никогда не пялюсь на незнакомых мужчин. Он почти на голову выше, чем я, и с любопытством смотрит на меня своими серебристо-серыми глазами. Судя по его невозмутимой реакции на мое ошеломленное выражение лица, он явно привык привлекать чужие взгляды. Конечно. Конечно, именно здесь и сейчас мне встретился такой парень.

Проклятье.

– Я Кьер, – произносит он. – А ты Лив Баумгардт?

Голос у него такой приятно темный и мелодичный, а от ирландского акцента, с которым он выговаривает непривычную для него фамилию Баумгардт, можно растаять.

Вместо того чтобы ответить, я откашливаюсь, как в одном из тех фильмов, где главная героиня внезапно и неожиданно встречается взглядом с невероятно привлекательным мужчиной, и я клянусь, что впредь никогда не буду отпускать по этому поводу идиотские комментарии. *Необходимо* откашляться, иначе ты просто начнешь пищать.

– Точно, – отвечаю я, слава богу, твердым голосом. – Это я. А ты...?

– Кьер, – повторяет он. – Кьер Уилан. Я должен проводить тебя по просьбе мистера Ведекинда. У тебя больше ничего нет из багажа? – Он указывает на мой передвижной чемоданчик.

– Да. Точнее... нет. Нет, есть, естественно. Боюсь, остальные вещи зависли где-то в Дублине.

– Могу понять, почему они решили остаться в Дублине. Там гораздо интереснее, чем здесь. – Он махнул рукой в направлении выхода. – Моя машина стоит на улице.

Он берет мой чемоданчик, а я весь путь до машины занимаюсь тем, что незаметно его разглядываю. Святые небеса, в Ирландии водятся такие мужчины? Мне сейчас радоваться, что

на одиноком острове меня не будут отвлекать такие парни, как Кьер, или немножко поплакать по той же причине? Я имею в виду, у меня больше не было серьезных отношений с тех пор, как в семнадцать лет я порвала со своим первым и единственным молодым человеком. В университете я недолго встречалась с парнями, но, как ни крути, все это нельзя назвать ничем иным, кроме как кратковременными привязанностями. А с чего это я вообще об этом думаю? Але? Я направляюсь в полугодовой отпуск, а этот тип навряд ли будет жить на таком же маяке на соседнем острове.

– Прошу. – Кьер открывает передо мной пассажирскую дверь «пикапа», и я чуть в нее не врезаюсь. Лив, возьми себя в руки. Смущенно залезаю в машину. В то время как я сражаюсь с ремнем безопасности, Кьер уже оказывается на водительском сидении. – Там заедает, подожди.

Он склоняется надо мной, и я вжимаюсь в спинку кресла. Моего носа касается запах дождя, травы и моря, а вместе с тем еще чего-то, более теплого...

К счастью, Кьер отстраняется, прежде чем я начала бы его обнюхивать. Все это... очень сбивает с толку.

– Ну что, куда едем?

Я в шоке вскидываю голову:

– В смысле?

Он смеется и заводит мотор.

– Просто пошутил. – Он оборачивается назад, медленно выезжая с парковки задним ходом. – Я отвезу тебя к Айрин, у нее в номере ты сегодня переночуешь, после чего завтра с утра отправишься в свою ссылку на остров.

– Это не ссылка, – с достоинством поясняю я. – Это время я использую для профессиональной переориентации.

– Профессиональной переориентации? – Кьер сворачивает на улицу, обрамленную деревьями и живой изгородью. Машин на ней мало, так что он без проблем бросает на меня любопытный взгляд. На мгновение я тону в его серых глазах, поразительно светлых по сравнению с его темными волосами, однако именно этот контраст такой... «соблазнительный», – чуть не подумала я. Наверно, мне лучше смотреть в окно.

– Сколько тебе лет? Девятнадцать?

Ну спасибо. Над своим обаянием ему определенно еще предстоит поработать.

– Мне двадцать два. И недавно я потеряла важную работу.

– В двадцать два? Ну, с Кэйраха будет проблематично проходить собеседования.

Поначалу я не могу понять, о чем он говорит, пока меня не осеняет, что слово, которое для моих ушей прозвучало как покашливание, – это, видимо, название моего острова.

– Что это означает?

– Ты о чем?

– Кеи... Кэйи...

– Кэйрах? Овцы.

– Ааа. – Как... прозаично. – Я журналист-фрилансер, – поясняю я потом, – и, к сожалению, несколько недель назад мой главный работодатель отказался от дальнейшего сотрудничества. – Прозвучало даже вполне уверенно. По крайней мере, я уже произношу эту фразу без заикания. – За следующие месяцы я хочу поработать над новыми идеями, написать статьи и с их помощью найти себе работу в других журналах и газетах. Все это можно спокойно делать онлайн, а на острове есть стабильный интернет. Или нет? – Пусть Ведекинд не раз меня в этом уверял, но при одной мысли о том, что я могу попасть в цифровую черную дыру, у меня образуется комок в горле.

– Обычно да, – отвечает Кьер.

– Что значит «обычно»? – уточняю я.

– В экстремальных погодных условиях он иногда пропадает. Но такое не часто случается. Я так думаю.

Он так думает. Великолепно. Первым делом я проверю интернет-соединение на овечьем острове и тут же вернусь обратно, если оно не будет работать. И что он, кстати, подразумевал под «экстремальными погодными условиями»?

Луга и поля отступают, когда мы проезжаем деревню. Аккуратные желтенькие домики с маленькими фронтонами над входными дверями, еще различимые в подступающих сумерках, стоят за небольшими палисадниками. Небо наводняют огромные серо-синие горы облаков, как будто Северная Атлантика раскинулась прямо над нами.

– Почему ты не попробовала найти что-то новое из Гамбурга? Мне кажется, это проще. Пожав плечами, я отвернулась от окна.

– Я пробовала. – Честно говоря, я собиралась лишь быстро взглянуть на Кьера, но так как он сейчас полностью сосредоточен на дороге, этот взгляд несколько затянулся. Его левую бровь пересекает тонкий белый шрам. Как он его получил?

Он смотрит на меня, и мне снова не хватает секунды, чтобы отвернуться. Черт. Это нелепо. Я нелепая. Это просто от волнения, пытаюсь успокоить себя саму. А может быть, это еще постоянно подавляемое чувство, что я переоценила свои возможности в отношении будущих шести месяцев.

– Но? – спрашивает Кьер.

– Что «но»?

– Ты пробовала найти что-то новое, но?

– Но это не сработало. Недостаточно быстро, – разъясняю я.

– И поэтому теперь ты уезжаешь на полгода на маяк.

От того, как он это говорит, мое решение уехать вдруг звучит удивительно поспешным, наивным и незрелым. Я с досадой ищу в своем подсознании прежнюю уверенность в том, что это был гениальный план. Новые испытания, получение необычного опыта, не забывая и о бесплатном проживании и времени, чтобы переосмыслить себя заново, – это же идеально. По крайней мере, дедушка был очень впечатлен, когда я ему об этом рассказала.

Мне приходит в голову, что маму тоже скоро придется проинформировать о последних событиях в моей жизни. А если при этом я не сообщу ей о загубленном интервью, то, возможно, она действительно мне поверит, что все это предприятие – блестящая стратегия по развитию карьеры.

Желтые дома остаются позади нас, меня вновь окутывает все больше погружающийся в серый цвет ландшафт. Сине-зеленый, коричнево-зеленый, темно-зеленый... окружающий простор заставляет меня дышать глубже. Я уже так много раз переезжала – что такое, по сравнению с этим, пара месяцев в Ирландии? В конце концов, речь ведь идет лишь про полгода, а не про всю мою дальнейшую жизнь.

После того как я ничего не ответила на умозаключение Кьера, какое-то время мы молча едем мимо пастбищ, лугов и холмов, и я почти забываю о мужчине, который сидит рядом со мной в автомобиле, потому что меня как-то странно волнует пребывание здесь. Меньше чем через час я буду у моря.

– На сегодня тебе еще что-нибудь нужно?

Голос Кьера выдергивает меня из раздумий.

– Что?

– Большинство твоих вещей еще в Дублине, – напоминает мне он. – У тебя есть все, что может понадобиться на ближайшие пару дней, или хочешь по-быстрому еще что-то купить?

Хороший вопрос. Так конкретно я об этом еще не задумывалась. Сегодня вечером схожу куда-нибудь поужинать, завтрак включен в счет пребывания в гостинице, а так как, на мое счастье, косметичка при мне, у меня даже зубная щетка с собой.

– Не уверена, – помедлив, отвечаю я. – На сегодня у меня все есть, но что насчет маяка? Ведекинд сказал, что кто-то будет регулярно привозить мне продукты и все необходимое. Как думаешь, когда я завтра туда приеду, на первые дни уже все будет приготовлено?

– Сто процентов, – убедительно кивает Кьер. – Значит, на сегодняшний вечер тебе больше ничего не нужно? Зубная щетка? Носки?

– У меня все в ручной клади. – Я махнула головой назад, в сторону кузова, куда Кьер положил мой чемоданчик. – Вроде бы пока мне больше ничего не надо. Сумма, которую хозяин маяка выдал мне к началу путешествия на питание и повседневные расходы, оказалась гораздо больше, чем я представляла, тем не менее мне не хотелось тратить эти деньги на вещи, которые через пару дней будут у меня в двойном экземпляре. Впрочем... – Походные ботинки сложно растянуть?

Мне бы очень хотелось сделать фото того взгляда, который на меня сейчас бросил Кьер. Или лучше не надо. Я же не нуждаюсь в постоянном напоминании, как глупо было покупать эти супердорогие ботинки для своего мини-острова.

– Синтетика или кожа? – наконец спрашивает он, причем в его голосе не слышится удивления, за что я ему немножко благодарна.

– Кожа.

– Сколько ты уже их носишь?

– С сегодняшнего утра.

Кьер не отвечает сразу, но по нему ясно видно, с каким трудом он сохраняет нейтральное выражение лица.

– Я и сама знаю, что это был не самый умный поступок, о'кей? Мне казалось, что со временем обувь станет удобнее, а не наоборот. И вообще, в магазине они были мне как раз.

– Но сейчас жмут?

– Да, – коротко ответила я. – Видимо, сначала мне нужно было их разносить.

Я изумленно задерживаю дыхание, когда Кьер жмет на тормоза и просто останавливает машину на обочине. Он опять наклоняется ко мне, в этот раз, чтобы поближе рассмотреть мои ботинки.

– Это горные ботинки, – заключает он, поднимая на меня взгляд. Он не отстранился обратно, и я на мгновение прикрываю глаза, чтобы не отвлекаться на то обстоятельство, что один из самых привлекательных мужчин, с которыми я когда-либо сталкивалась, сражается со смехом всего в тридцати сантиметрах от меня.

– Я в курсе.

– Сними-ка их.

Я снова распахиваю глаза:

– Эмм...

Эти ботинки, доходящие до щиколоток, на мне с тех пор, как я приземлилась в Керри, а мы сейчас сидим в закрытом автомобиле. Не думаю, что прямо в этот момент мне действительно хочется снимать обувь. Существуют способы и получше, как очаровать парня.

Однако, не дожидаясь моего ответа, Кьер открывает водительскую дверь и огибает капот. А в следующую секунду он уже распахнул дверь с моей стороны.

– Давай уже. Прежде всего ты должна убедиться, что не купила слишком маленькие ботинки. Тогда обхват стопы уже будет не важен.

– Я была в специализированном магазине...

– Утром или вечером?

– Днем.

Он громко вздыхает:

– В специализированном магазине, – бормочет он, опускаясь на колени, потом тянет меня за лодыжку и без лишних слов развязывает шнурки. Одной рукой он обхватил мою голень, пока

второй стягивает с меня ботинок. Золушка чувствовала себя так же нереально глупо, когда принц рассматривал ее ногу? – Носки не бесшовные, – говорит он. – Уже не очень хорошо. – После этого вытаскивает из ботинка стельку и кладет ее на асфальт. – Встань на нее.

Тем временем уже совсем стемнело. Ветер дует так сильно, что Кьеру приходится придерживать стельку, пока при свете, падающем из машины, я ставлю на нее свою ступню.

– Полностью совпадает, – облегченно выдыхаю я.

– Слишком маленькие, – сухо возражает Кьер. – А это к тому же горные ботинки. Твои пальцы, наверное, чувствуют себя, словно их машина переехала.

Печально, но это довольно точное описание.

Кьер засовывает стельку обратно и протягивает мне ботинок.

– Сегодня вечером ты уже нигде не купишь другую обувь, но завтра, надеюсь, мы что-нибудь найдем.

Что он имеет в виду, говоря «мы»? Он что, собрался идти со мной покупать ботинки?

– Если ты мне скажешь, как найти обувной магазин...

– В Каслданнсе нет обувных магазинов. Но я могу завтра отвезти тебя в Кэрсивин, возможно, там тебе повезет.

– Ты не обязан.

– А кто еще, если не я?

– Я могу взять такси...

Он опять ухмыляется.

– В Каслданнсе нет такси, – сообщаю я.

Кьер кивает:

– Завтра я отвезу тебя в Кэрсивин.

На этом тему можно считать закрытой.

###

Полчаса спустя я гораздо лучше понимаю усмешку Кьера. Каслданнс – не что иное, как группка домов, разбросанных в небольшом отдалении от побережья на пологом холме. Недавно справа от нас все больше начинало угадываться море, а теперь дорога петляет между домами по улице, с одной стороны которой широкая низкая стена, а с другой – морской берег.

Когда я прошу Кьера ненадолго притормозить, он просто паркует «пикап», как и прежде, на обочине. А чего ему опасаться? На протяжении всего пути мы не обогнали ни одной машины, а те, которые ехали нам навстречу, можно было по пальцам пересчитать.

Я прислоняюсь бедром к стене, откуда высокая трава сбегает прямо к морю. Ветер, гуляющий по волнам, сдувает мне волосы с лица. Пахнет солью и мокрыми камнями. Из-за облаков не видно ни одной звезды, но в свете уличных фонарей можно разглядеть всплеск волн, которые накатывают на узкую полосу песчаного берега. Почувствовать мелкие брызги на лице. В тишине ночи прибой ревет так громко, как будто волны достигают пяти метров в высоту. Я обеими руками опираюсь на стену, потому что вдруг закружилась голова. Сегодня утром я еще была в Гамбурге. А теперь?

– Его отсюда видно?

– Маяк? – Кьер тоже вышел из машины. – Нет. Даже если бы он до сих пор работал, остров расположен далеко южнее, за мысом.

Головокружение исчезает, а то, что открывается во мне сейчас, становится для меня самой не менее неожиданным: я поступила правильно, приехав сюда.

Одно-единственное решение привело меня с переполненных улиц Гамбурга на побережье Северной Атлантики. Вся моя прошлая жизнь тускнеет от ощущения под моими ладонями

мягкого мха, которым заросла стена. Этот миг с такой силой обрушивает на меня новые впечатления, что последние годы тут же кажутся мне не важными, бледными, завершёнными.

Я хочу быть здесь. Здесь и нигде больше. Это было хорошим решением.

Маяк, остров и я. Это будет... это будет...

Я отступаю на шаг назад от стены и охаю.

– Ботинки? – раздаётся рядом со мной голос Къера.

Это будет чертовски восхитительно, как только я куплю новую обувь.

4

Дом, в котором расположена мини-гостиница Айрин, стоит на узкой улочке чуть выше на холме. Желтый свет фонаря выхватывает увитую виноградной лозой каменную кладку, рядом с выложенным кирпичом входом стоит простая деревянная скамейка, а дверь распахивается еще до того, как Кьер успевает захлопнуть дверцу машины.

– Добро пожаловать в «Морские ветры»! – Айрин оказалась не пожилой дамой, какую нарисовало мое подсознание при виде этого уютного здания. Молодая девушка в джинсах и толстовке с капюшоном выходит нам навстречу, ее выющиеся рыжие волосы достают примерно до плеч, а улыбка у нее такая открытая, что я моментально исправляю свое первое впечатление: Айрин идеально вписывается в теплую, радушную атмосферу своей гостиницы. Она протягивает мне руку. – Меня зовут Айрин, Кьер уже, должно быть, тебе сказал.

Она посылает мимолетную улыбку в сторону Кьера, который подошел к кузову «пикапа» и кивнул головой в ответ на ее приветствие. Сразу после того, как он ставит около меня чемодан на колесиках, парень возвращается к открытой водительской двери.

– Мне срочно нужно возвращаться. Хорошего вам вечера! – Свое пожелание он сопровождает легким хлопком по кабине автомобиля и опять скрывается внутри салона. Мое «большое спасибо» заглушается звуком закрывающейся дверцы. Он задом выезжает из тесного переулка, поворачивает направо и пару секунд спустя исчезает из поля моего зрения.

– Это весь твой багаж? – Айрин уставилась на мой чемоданчик.

– Остальное, к сожалению, еще в Дублине, – отвечаю я. – Завтра вещи должны доехать.

– Если тебе повезет. – Она делает приглашающий жест рукой по направлению к открытой входной двери. – Это вполне может затянуться и на более длительный срок.

И хотя Айрин, скорее всего, судит по личному опыту, я продолжаю надеяться, что она ошибается. С содержимым ручной клади я как-нибудь протяну первые дни, но вот лоскутное одеяло – память о моей бабушке – туда уже не влезло. Мой запас шоколада для экстренных случаев. И супермощный фонарик вместе с запасными батарейками.

Страхнув с себя эти мысли, я шагнула в дом. Внутренний интерьер помещения такой же комфортный, как кажется, когда видишь внешний фасад. Из узенького коридорчика на верхние этажи ведет лестница, и я поднимаюсь вверх вслед за Айрин.

Моя комната справа рядом с лестницей. Изголовье кровати и створки шкафа украшены резьбой, занавески на окне уже задернуты. На деревянном полу лежит старенький ковер, а покрывало с цветочным узором и цветы на столе перед окном делают комнату гостеприимной и приятной на вид, несмотря на то что света от люстры не хватает, чтобы осветить все углы.

– Ванная комната прямо напротив. Во время твоего пребывания ею будешь пользоваться только ты, так что можешь оставлять все там, – рассказывает Айрин. – Хотя ты и так всего на одну ночь. Ты правда едешь в старый маяк, да?

Я смотрю на Айрин, облокотившуюся на дверной косяк.

– Об этом тут все знают? – Почему-то ответ я уже предугадываю.

Айрин с улыбкой повела плечами. Я замечаю, что у нее появились ямочки на щеках.

– Мистер Ведекинд сначала расспрашивал людей в Каслданнсе, не хочет ли кто-то там пожить. Но те, у кого есть время, уже чересчур стары для этого, а у тех, кому хотелось бы, нет времени. Например, у меня. – Теперь ее улыбка приобретает хитрое выражение. – Кроме того, надо же как-то обеспечивать себе жизнь на протяжении всех этих месяцев, а кто позаботится обо всем, если здесь не будет меня? – Она делает рукой неопределенный жест, подразумевая весь дом. – Не могу же я каждый день переправляться туда и обратно.

– Ты одна тут за все отвечаешь? – спрашиваю я, усаживаясь между цветочками на покрывале.

– Администратор, бухгалтер, горничная и повар, который приготовит тебе поесть: все в одном лице, – смеется Айрин. – Во сколько тебе завтра подать завтрак?

– Около восьми?

– Порядок.

В половине одиннадцатого мне нужно быть на пристани, откуда по морю я направлюсь к овечьему острову. К тому же мне хотелось бы продолжить путешествие уже без давящих ботинок. У Айрин точно должен быть телефон Кьера. Я совершенно забыла сказать ему, во сколько мне завтра нужно отправляться.

Но прежде чем я успеваю заговорить с Айрин на эту тему, она задает вопрос:

– Ты голодная? Если да, советую сходить в «Паб Брейди». Еда там вкусная, кроме того, это единственный паб в Каслданнсе.

– Тогда, видимо, пойду в «Паб Брейди», – коротко отвечаю я.

– Может, там попозже и увидимся. – Айрин делает шаг назад и берется за ручку двери. – Сегодня вечером там живая музыка. Если тебе еще что-нибудь понадобится, дай мне знать. – С этими словами она прикрывает за собой дверь.

Только через пару секунд до меня доходит, что я собиралась спросить номер Кьера. Не важно, спрошу потом.

Мой взгляд рассеянно бродит по комнате. Хотя я действительно хочу есть, на меня вдруг накатывает такая усталость, что в течение нескольких опасных минут я чувствую соблазн свернуться калачиком на покрывале и вздремнуть. Тиканье будильника на тумбочке разделяет мои дрейфующие мысли на точные фрагменты. Маяк. Тик. Море. Так. Темнота. Тик. Красивые ирландские парни. Так.

А затем мой желудок так громко урчит, что заглушает тиканье часов. В последний раз я ела в самолете из Гамбурга в Дублин, и этот перекус состоял из ледяной сухой булочки и нескольких ложек подозрительно студенистой овощной паэли. Возможно, я могла бы еще немного поразмышлять о консистенции этой паэли, пока не пропадет чувство голода.

Но вместо самолетной еды я вдруг вижу перед собой маму, которая качает головой, не одобряя мою лень. Противное подсознание. И все же я виновато принимаю вертикальное положение, чтобы достать из чемодана свою косметичку.

Минут пятнадцать спустя – почистив зубы, заплетя волосы в свободную косу и вновь впихнув ноги в ботинки – я снова спускаюсь к морю вниз по улице, по которой до этого ехала с Кьером. Тут нет тротуаров, под ногами хрустят камешки, пока я тороплюсь пройти под светом редких фонарей. По словам Айрин, «Паб Брейди» недалеко. Неудивительно, наверное, весь Каслданнс можно пересечь за четверть часа.

Дойдя до улицы, проходящей вдоль той самой широкой каменной стены, я ненадолго останавливаюсь. Во тьме ночи линия горизонта между небом и морем размывается и пробуждает во мне ощущение, будто я заглянула прямо в глубины космоса. Только через несколько минут, начав замерзать, отрываюсь от этого вида и быстрым шагом иду дальше.

В большинстве домов лишь маленькие окошки, сквозь которые свет почти не проникает на улицу, но «Паб Брейди» приветствует меня радостными полосами лампочек.

Как только я толкаю тяжелую деревянную дверь, навстречу летят тепло и смех, а отодвинув в сторону занавеску, которая защищает посетителей от сквозняка, я с удивлением понимаю, что в пабе полно народу. Вероятно, половина Каслданнса расселась здесь по стульям и скамьям.

Я готовилась к любопытным взглядам, возможно, даже к перешептываниям, но на деле ото всех присутствующих я зарабатываю максимум дружелюбные кивки головой время от времени. А в том случае, если кому-нибудь и захочется обо мне поговорить, ему явно придется кричать.

«Паб Брейди» значительно больше, чем я думала. В интерьере преобладают красное дерево темного оттенка и латунные светильники, по стенам развешены пожелтевшие фотографии и потемневшие зеркала, которые едва отражают свет мерцающих свечей на столах.

Бармен за длинной барной стойкой – довольно привлекательный мужчина со стрижкой андеркат³, собранными в пучок на макушке волосами и ухоженной, густой бородой – старается успеть обслужить всех людей, склонившихся над стойкой. Пахнет деревом, алкоголем и людьми, слегка душновато, но это не мешает. Двое мужчин в клетчатых рубашках протискиваются мимо меня, и я отступаю в сторону, чтобы дать им пройти.

Здесь есть крошечная сцена, возвышение в задней части зала, на котором стоят закрытый покрывалом рояль и одинокая микрофонная стойка. Рядом я замечаю свободный столик. За ним, по всей видимости, сидели те двое, которые только что прошли мимо меня. Куртки на спинках стульев не висят, соответственно, я надеюсь, что они скоро не вернуться и не скажут, что заняли этот стол. Я решительно пробираюсь к столику и сажусь на один из стульев.

Пока я думаю, нужно ли мне подойти к бару, чтобы сделать заказ, и что я вообще хочу, передо мной возникает девушка с короткими темными волосами, широкими движениями протирает стол и кладет передо мной меню.

– Привет, я Сиенна. Уже решила, что будешь заказывать? – спрашивает она.

На мгновение мой взгляд выхватывает внутреннюю часть ее левого запястья. Там у Сиенны татуировка с надписью простыми печатными буквами:

**Никогда
Никогда
Никогда
Не сдавайся**

Какая история за этим кроется?

– Фраза Черчилля, да? – любопытствую я, показывая на ее запястье.

Сиенна улыбается:

– Может быть. Для меня это просто договоренность с самой собой. – Выражение ее лица не меняется, однако ее улыбка вдруг уже не кажется мне такой безмятежной. – Хочешь сначала заказать напиток? – опять переходит к делу она.

Я киваю и беру в руки меню. Больше всего мне хочется начать свое «новоселье» в Каслданнсе чем-то типично ирландским, но я понятия не имею, чем именно. Поэтому я говорю: «Пока просто воду», и Сиенна убегает, не спросив, хочу я маленький или большой стакан воды, с газом или без газа. М-да, я определенно больше не в Гамбурге.

Раскрываю меню, состоящее всего из парочки листов. Копченая треска. Рыбный суп. Куриные крылышки. Мое разочарование растет, пока я ищу что-нибудь вегетарианское. Копченый лосось. Салат с курицей. Черный пудинг. А это еще что такое? Мое смутное воспоминание о том, что «Черный пудинг» – это не десерт, подтверждается подписью «с соусом из хрена». А я-то думала, что ирландцы на своем зеленом острове фанаты овощей. Стоило раньше навести об этом справки. Баранина по-ирландски, разные варианты стейков и бургеров – похоже, во всем меню не найдется ни одного блюда без добавления мяса. Пару секунд я раздумываю над «хрустящими крубинсами⁴», что, по-моему, хотя бы отдаленно напоминает название овоща – *подходите, покупайте свежесрезанные крубинсы* – но тот факт, что они значатся в списке между бургером с говядиной и стейком Рибай, не предвещает ничего хорошего.

³ Андеркат (undercut) – мужская стрижка, при которой волосы на висках и затылке сбриваются или обрезаются очень коротко, но остаются длинными на макушке и челке.

⁴ Крубинс – свиные ножки – традиционное ирландское блюдо.

Когда Сиенна возвращается, я, чтобы не рисковать, заказываю маленькую порцию салата и к нему имбирный эль. И лишь после того, как она все мне принесла и снова унеслась, меня посетила мысль, что я могла просто спросить у нее, есть ли у них вегетарианские блюда.

В результате салат оказался свежим, заправка к нему – прекрасной, что, к сожалению, лишь сильнее разожгло мой аппетит. Когда я опять ищу глазами Сиенну, за мой столик подсаживается Айрин.

– Привет! – Толстовку она сменила на черный топ с глубоким вырезом, который отлично подчеркивает ее рыжие локоны. Взглянув на мою пустую тарелку, она добавляет: – Было вкусно?

– Очень. Как раз хотела заказать еще что-нибудь.

– Возьми рыбу. Говорят, она тут очень вкусная.

Я вопросительно выгибаю бровь:

– «Говорят»? Ты ее ни разу не пробовала?

– Я не ем рыбу.

– Я тоже.

– Вообще никакую?

Качаю головой:

– Вегетарианка.

– Серьезно? – смеется Айрин. – Этим ты весьма усложнишь Кьеру задачу. Но, подожди, если ты на самом деле еще голодная, могу кое-что тебе предложить. – Она машет Сиенне, не обращая внимания на мой сконфуженный взгляд. – Сиенна, можно нам еще заказать?

Сиенна, очевидно, настолько в стрессе, что заказ Айрин – «два особых рагу с коричневым рисом и два пива “Гиннесс”» – записывает буквально на бегу и вскользь отвечает на улыбку Айрин. Кстати, я еще не видела вторую официантку. Если эта девушка тут одна на все столики, то ее можно только пожалеть.

Айрин откидывается на спинку стула, и теперь я просто не могу не спросить:

– А каким образом я усложню задачу Кьеру?

– Это он будет привозить на остров все, что тебе понадобится, – поясняет Айрин, – а Каслданнс не предоставляет человеку, который не ест ни рыбу, ни мясо, особого выбора.

– Кьер будет доставлять мне...?

– Все необходимое. Точно. И завтра он повезет тебя на Кэйрах, он тебе не сказал?

Я в смятении уставилась на Айрин.

– Не сказал. – Ну, ладно, зато так мне не надо ему звонить, чтобы договориться поехать в магазин за обувью.

– Как обычно. Кьер никогда не рассказывает больше, чем считает нужным.

Айрин принимает из рук Сиенны свое пиво и по-дружески ей кивает, в то время как я заново прокручиваю в голове последние несколько часов. Мне Кьер не показался чересчур молчаливым.

– Так, выходит, Кьер... – Не могу подобрать правильное слово. Водитель лодки?

– Кто-то вроде гида в Каслданнсе. – Айрин договаривает предложение за меня. – Мистера Ведекинда он тоже всегда переправлял. Еще он возит туристов в бухты, до которых можно добраться только по морю. Тут есть парочка очень симпатичных. Попроси его как-нибудь, чтобы он и тебе их показал.

– Да, возможно.

Перед нами появляются две глубокие тарелки с горячими блюдами, над которыми поднимается пар. И, хотя Сиенна балансирует с еще несколькими бокалами пива на подносе, она все же уделяет нам секунду своего времени, чтобы пожелать приятного аппетита. Я втягиваю носом вкусный запах, исходящий от наших тарелок. Картофель, морковь и шампиньоны плавают в густом соусе.

– А я считала, что рагу всегда готовится с мясом, – говорю я, берясь за ложку.

– Обычно так и есть, но для меня Нелли всегда держит в холодильнике небольшой специальный запас особого рагу. Нелли – это местный шеф-повар.

– Здорово. – Потихоньку я начинаю понимать. – Так ты тоже вегетарианка?

– Ставшая по этой причине экзотикой Каслданнса, – засмеялась Айрин. – Я еще ребенком отказывалась есть то, что могла погладить, пока оно было живым. А сейчас, расскажи-ка, почему ты выбрала работу на маяке?

Не сводя с меня глаз, она подносит ложку ко рту, и, быть может, дело в ее внимательном взгляде или свободной манере общаться, но я вдруг с легкостью выбалтываю все о своих последних неделях: об интервью с Кристиной Аткинс и моменте, когда в офисе Бремера я узнала, что Кристина отозвала разрешение на публикацию. И о том, что меня до сих пор грызет незнание, что именно пошло не так.

Несмотря на то, что людей вокруг нас стало еще больше – некоторые со стаканами в руках даже стоят между столиками – Айрин не отвлекается и с любопытством меня слушает. Только когда Сиенна подходит забрать у нас посуду, она быстро поднимает голову, чтобы поблагодарить ее за еду.

– Мне не кажется, что это из-за твоего интервью, – произносит она наконец. – Наверняка она просто-напросто испугалась собственной храбрости. Если кто-то так долго прятался от посторонних глаз...

– Скорее всего. – Я покрутила в руках свой бокал и допила остатки пива, после чего сделала глубокий вдох. – И это было бы нормально, мне просто хотелось, чтобы...

Неожиданно кто-то начинает аплодировать, нарастает нетерпеливый шум. Я заинтересованно вытягиваю шею. Перед нашим столом стоят несколько человек и загораживают мне обзор. Айрин, которая тоже села прямее, показывает на наши стаканы:

– Еще по одному за мой счет.

– Нет, прекрати, – возражаю я. – Я заплачу. Считай это благодарностью за то, что поделилась со мной своей едой.

Я подхватываю наши стаканы и встаю, намереваясь пролезть между плотно стоящими людьми, когда раздаются первые аккорды гитары. Одновременно с этим кто-то начинает петь, и я замираю. Этот голос. Я его знаю. Мягкий и вместе с тем немного хриплый, он разливается между рядами посетителей, нежное звучание струн аккомпанирует его глубокому тембру, и невольно я снова сажусь. Это же...

Я бросаю взгляд на Айрин, которая склоняет голову на бок и кивает в сторону маленькой сцены:

– Если хочешь его увидеть, боюсь, тебе придется приложить усилия. Я подожду тебя здесь.

Не говоря ни слова, ставлю стаканы обратно на стол и начинаю пробираться между скрещенными руками, твердыми плечами и острыми локтями до тех пор, пока не оказываюсь почти перед широкой сценой. Рояль, накрытый черной тканью, все еще стоит на ней, но в самом центре на высоком табурете и с акустической гитарой в руках сидит Кьер.

Песня одновременно печальная и тоскливая, темный голос Кьера идеально к ней подходит, и на долю секунды мое сердце пропускает удар, когда его серебристо-серые глаза находят мои. Он выглядит... грустным? Кажется, музыка оставляет на нем свой отпечаток.

Наш зрительный контакт длится всего пару секунд, после чего он поворачивает голову и смотрит на других женщин, которые с обожанием вздыхают по нему и покачиваются в такт музыке. Когда песня заканчивается, он коротко им улыбается, а его тонкие пальцы уже начинают наигрывать следующую мелодию.

Я, как девочка-школьница на концерте любимой группы, стою так еще две песни, прежде чем призываю себя одуматься и с тихими извинениями возвращаюсь обратно к Айрин. Той как-то удалось организовать нам еще два «Гиннеса», не упустив при этом наш столик.

– Ну? – В ее голосе слышится добродушная ирония. – Влюбилась?

– Что, прости? – обескураженно уставилась на нее я.

– Да все нормально, – усмехается она. – Кьер так влияет на женщин. Особенно, если застает кого-то врасплох. – Она придвигает мне бокал с пивом. – Будь там поаккуратнее на своем острове.

– А с чем именно мне нужно быть аккуратнее? – переспрашиваю самым нейтральным тоном, на которой способна в данный момент. Врасплох. Мои мечты, что, на лице у меня написаны?

– Ну. Шесть месяцев одиночества... и регулярно видеть рядом именно такого, как Кьер. Можно проявить слабость. – Она мне подмигивает. – Только не позволяй разбить тебе сердце.

– Об этом не беспокойся, – смело заявляю я. – В мои планы не входит заводить с кем-то отношения. В первую очередь я тут ради работы и чтобы прочистить голову. Время на маяке будет для меня своего рода отшельничеством.

Айрин с понимающей ухмылочкой потягивает свое пиво.

– Но можешь иногда меня навещать, если захочешь, – добавляю я, не до конца уверенная, не слишком ли смелый это шаг. – В смысле, если тебе будет позволять работа.

– С радостью. – Ее улыбка становится шире, а я счастлива, что мы ушли от темы Кьера. Насколько меня сбивают с толку чувства, которые пробуждает один лишь его голос, настолько же сильная во мне возникает решимость их игнорировать. Я не намерена вешаться на каждого хоть сколько-нибудь симпатичного парня, которого встречу.

Даже на очень симпатичного.

Ай, да пошло оно все, даже из-за парня вроде Кьера я такой не стану, при том что он гораздо больше, чем очень хорош собой. Он... он...

– Лив? – долетает до меня голос Айрин. Судя по громкости, она уже не первый раз меня зовет.

– Извини, что ты сказала?

– Не хочешь теперь виски?

Я задумываюсь только на одно мгновение и соглашаюсь. Мне же хотелось типично ирландского начала путешествия, так вот виски идеально дополнит рагу и «Гиннесс».

Пока Айрин удаляется к барной стойке, я не могу сопротивляться и позволяю голосу Кьера вновь меня околдовать. Аплодисменты между композициями сейчас стали громче, отчетливо слышны веселые женские голоса.

Я как раз допила последний глоток «Гиннеса», как снова появилась Айрин.

– Уфф, сегодня как-то непривычно много народу. – Она протягивает мне виски и поднимает свой стакан, чтобы со мной чокнуться. – Sláinte!⁵ За твою будущую островную жизнь!

Звук сталкивающихся стеклянных стаканов тонет в окружающем нас звуковом фоне.

– Скажи... – После первых двух глотков приятное дымное жжение виски перебивает привкус пива во рту. – А ты близко знакома с Кьером?

В глазах Айрин сверкнули искорки, и она, широко улыбаясь, наклоняется ко мне через стол. А я, внезапно смутившись, сосредотачиваю внимание на медового цвета жидкости в своем бокале.

– Я серьезно, Лив. – Вопреки собственным словам, Айрин выглядит так, словно еле сдерживается, чтобы не расхохотаться. – Узнать Кьера поближе легко. Но узнать его настоящего – невозможно.

⁵ Sláinte (ирл.) – традиционный тост в Ирландии. Переводится примерно как: «За ваше здоровье!»

– Что ты имеешь в виду? – Я начала круговыми движениями раскачивать виски в стакане, потом поставила его обратно на стол.

– То, что сказала. Хочешь немножко развлечься с Кьером? Не проблема. Только не влюбляйся в него. С ним это ничем хорошим не заканчивается.

– Ой, да кто говорит о влюбленности? Я просто считаю его... – Мой мозг отчаянно крутит шестеренки в поиске безопасного слова. – ...интересным.

– Интересным? – Айрин откидывается назад. – Признай, когда ты впервые его увидела, ты не подумала, что он *«интересный»*. Ты утонула в его серебряных глазах, растеклась лужицей от его улыбки и вздрогнула от первого прикосновения. И поверь мне, ты не первая, кто пытался мне рассказывать, что такие мужчины, как Кьер, им просто *«интересны»*.

Щеки у меня неприятно загораются. Мне в голову приходит одна мысль.

– Ты и Кьер, вы когда-то...?

Теперь Айрин больше не сдерживает смех.

– Нет, Боже упаси! Мы знаем друг друга целую вечность, но между нами никогда ничего не было. – И с озорной улыбочкой вставляет: – Но это еще не значит, что время от времени я не... фантазировала. Но я могу отказаться от того, чтобы мое сердце стало одним из многих уже разбитых Кьером. И помимо всего прочего, моя сестра мне бы за это голову окрутила. Он не назло это делает... просто он такой.

– Почему?

Улыбка Айрин исчезает, она пожимает плечами.

– У каждого своя история. На твоём месте я бы сконцентрировалась на Кэйрахе на проветривании головы, вместо того чтобы заполнять свои мысли Кьером. Боже мой! – опять захихикала она. – Было бы проблематично избегать единственного человека, через которого ты будешь поддерживать контакт с внешним миром.

– Да перестань ты. – Мой стакан пуст, и я встаю, чтобы принести еще. – Ты так себя ведешь, будто у него сила притяжения как у черной дыры. – Айрин ставит на мою протянутую ладонь свой такой же пустой стакан из-под виски. – В конце концов, Кьер просто красивый парень. И, видит Бог, не первый красивый парень в моей жизни. – Я даже не солгала. – Я знакома с целой кучей симпатичных парней. – Вот теперь солгала. – Он даже не особо выделяется. – А за эту неслыханную ложь я попаду прямиком в ад.

Из соображений безопасности я не дожидаясь реакции Айрин, а вклиниваюсь в шумную, непрерывнодвигающуюся толпу, чтобы наполнить наши стаканы. Потребовалось время, чтобы добраться до стойки, а когда у меня, наконец-то, это получается, я никак не могу привлечь внимание бармена. Ничего удивительного, я и сама себя еле слышу за всеми этими пьяными пивными разговорами вокруг.

– Что ты хочешь?

Мягкий, глубокий голос прозвучал прямо позади меня, так близко, что мне показалось, я кожей ощутила его слова. На один миг прикрываю глаза, чтобы взять себя в руки. На моих губах играет приятная нейтральная улыбка, когда я полуоборачиваюсь к Кьеру.

– Еще два виски. Мне и Айрин.

– А до этого вы что пили?

– Эмм... виски, – повторяю я, не уверенная, к чему он клонит. Кьер улыбается мне еще шире. Я снова поворачиваю голову, и в поле моего зрения попадает длинный ряд блестящих бутылок, выставленных на полках за баром. И тут до меня доходит не только то, что в ирландском пабе есть названия сортов виски, но и то, что уже поздно элегантно уйти на попятную.

– Дин! – На окрик Кьера бармен моментально разворачивается в нашу сторону. – Три виски!

Тип по имени Дин не задает вопросов, а целенаправленно тянется за бутылкой.

Я складываю руки на груди:

– А почему это тебе можно просто попросить виски, а мне – нет?

– Потому что Дин знает, что я пью, – объясняет Кьер, берет два из трех стаканов, которые бармен поставил между блюдами с арахисом, и протягивает мне один из них. – За тебя.

Он делает глоток, и я тоже отпиваю крепкий напиток, хотя меня ждет Айрин. Всего одну минуту подольше постоять так с Кьером и – как там только что это красиво сформулировала Айрин? – утонуть в его глазах. В глазах Кьера несложно утонуть.

– И как тебе, нравится в Каслданнсе?

О'кей, светская беседа, без проблем. Если достаточно долго буду находиться рядом с Кьером, рано или поздно у меня точно разовьется что-то типа иммунитета.

– То, что я пока успела увидеть, мне понравилось, – говорю я и тут же раскаиваюсь. Прозвучало не совсем без подвоха, верно? Не придаст ли Кьер моим словам другое значение, не то, которое я подразумевала? А что я вообще подразумевала?

– Я рад. – Кьер делает еще один глоток виски. – Здесь есть даже больше, чем можно себе представить.

Я чувствую себя как мышка перед змеей. Как Бэмби перед охотником. Кьер сейчас намекает на туристические достопримечательности Каслданнса? А, может, он и себя самого к ним причисляет?

Потерянное выражение, которое было на его лице, пока он играл на гитаре, сменяется выжидательным интересом.

– Айрин рассказала мне, что ты завтра повезешь меня к маяку? – сворачиваю я на безопасную тему, поскольку мне кажется не очень разумным ходом флиртовать с единственным мужчиной, которого я буду видеть ближайшие месяцы. Кьер, может, и не задумывается о серьезных отношениях, но ведь и я тоже не создана для того, чтобы быть чьей-то очередной игрушкой в постели, по большому счету я и для случайных интрижек не создана, что уж говорить о трагической любовной истории на полгода. Я чрезвычайно серьезно настроена заложить здесь новый старт своей карьеры. Тогда почему же я со всей серьезностью сейчас думаю о таких вещах, как отношения?

– Правильно. А перед этим мы заедем в Кэрсивин. – Он на секунду опускает глаза на мои ботинки. – Лучше не стало, да?

Я покачала головой. Пальцы у меня будто попали под пресс, и мне с трудом удастся не хромать.

– Кьер! Ну где ты застрял? – Рядом с Кьером появляется девушка и с видом собственности под моим взглядом обвивает руками его руку. Она блондинка с длинными волосами, одетая в кофточку с глубоким вырезом, и с выражением неприязни на лице. – Привет.

Это относится ко мне, но этого ледяного тона в голосе и не потребовалось бы, чтобы заставить меня отступить. Я кивком отвечаю на ее приветствие и прощаюсь с Кьером.

– Мне нужно вернуться к Айрин. До завтра.

С подозрительным взглядом подружки Кьера, нацеленным мне в спину, и с двумя стаканами виски в руках я проталкиваюсь обратно к Айрин. И мне даже удается сделать это, не пролив ни капли. Незадолго до того, как я дохожу до нашего стола, выясняется, что мое место занял какой-то парень со светло-коричневыми волосами и бородой, который в этот момент над чем-то смеется. Когда я останавливаюсь непосредственно перед этими двумя, Айрин поворачивается ко мне.

– А вот и ты, наконец. А я уже собиралась тебя разыскивать.

Парень смотрит на меня и медленно поднимается. Вот это да. Он же настоящий великан. Светлая рубашка натянулась на его груди, а выглядит он так, словно проводит по полдня в тренажерном зале. Он окидывает меня дружелюбным взглядом с головы до ног, прежде чем кивнуть сначала мне, а потом Айрин.

– Увидимся. Хорошо повеселиться вам обоим!

– До скорого, Райан. – Айрин мельком ему улыбается и обращается ко мне: – Ты где была так долго?

– Встретила Кьера у барной стойки, – пояснила я. – Только благодаря ему в наших бокалах сейчас есть виски. Одна я бы не смогла даже обратить на себя внимание бармена. Прости, я прервала ваш разговор.

– Не такая уж и трагедия. Райан – старый друг, мы постоянно пересекаемся в «Брейди». И о чем же вы говорили с Кьером? – не скрывает любопытства Айрин.

– О... – А о чем мы говорили? Кажется, не о его глазах, даже если на пару-тройку секунд его глаза были единственным, что приходит мне на ум. – О моих ботинках.

– Что?

– Они мне малы. Поэтому Кьер собирается завтра со мной в Кэрсивин. После того как мы это выяснили, его сцапала подружка.

– У Кьера нет подружки, – говорит Айрин. – По меньшей мере, постоянной, – уточняет она. – Блондинка?

– Яркая блондинка, длинные прямые волосы, скорее, низкого роста.

– Должно быть, Эбигейл. Как ни крути, а она бы охотно стала его девушкой.

Я недолго взвешиваю идею повернуть наш разговор в другую сторону при помощи фраз «Не важно» или «Да кого волнуют девушки Кьера», но в эту минуту мне не хватает силы воли.

– Если его даже такая, как эта Эбигейл, не может переубедить, то он, похоже, реально думает, что серьезные отношения – это кошмар.

Вот вам и «меня не интересует» – я хочу знать об этом все.

– Ну да, раньше было по-другому. – Айрин крутит свой бокал между пальцами и смотрит это так, как будто бы она раздумывает, стоит ли добавить что-то еще. – Но теперь он невысокого мнения о таких вещах.

– То есть, он просто поверхностный придурок, который берет все, что ему предлагают?

– Нет, он абсолютно не такой. Впрочем... – Она помедлила. – Я не много могу тебе об этом рассказать, Лив. Возможно, ты просто составишь о нем свое собственное впечатление.

– Да. – Я решительно опрокидываю в себя последние капли виски. С каждым глотком эта штука все лучше на вкус.

Наверно, мне стоит еще раз пересмотреть свое поведение с Кьером. Шесть месяцев на отдельном острове – это долго. А трагические истории любви могут быть очень романтичными. Я вижу себя с развивающимися за спиной волосами, стоящей на поросшем травой утесе, ветер треплет мое белое платье, пока я озираюсь в поисках любимого. Интересно, у меня получится завтра купить белое платье, чтобы этого не заметил Кьер? Если он будет знать заранее, это испортит весь эффект.

Айрин тоже опустошила свой стакан и помахала Сиенне, чтобы та подошла к нашему столику.

– Я собираюсь домой. Ты со мной или еще останешься?

– Я с тобой. – Третий виски – это был бы перебор.

Когда встаю, мне приходится крепко ухватиться за спинку стула, а Айрин смеется и, поблагодарив, отказывается от сдачи, которую Сиенна сует ей в руки.

– Меня успокаивает понимание, что ты просто пьяная.

Мне приходится ненадолго задуматься, какая часть ее предложения меня больше смущает. Что я пьяна? Или что ее это успокаивает?

– Я не пьяная... в любом случае не очень сильно, – заявляю я в итоге. – Но, если бы и так, что конкретно в этом тебя бы успокоило?

Айрин берет меня под руку и тащит на выход. Солено-холодный воздух бьет в лицо.

– Лучше обдумай все эти вещи с Кьером еще разок, – только и говорит она. – Ты точно не освободишь голову, еслипустишь его туда, поверь мне.

5

На следующее утро я чувствую благодарность к Айрин, так как она не подкалывает меня за то, что вчера я, как втрескавшийся подросток, расспрашивала ее про Кьера. Очевидно, я не переношу виски. Как бы то ни было, мне лучше стараться не оказываться поблизости с Кьером, когда я в следующий раз напьюсь – кто знает, что я могу ему наболтать.

Завтрак на уютной кухне Айрин выглядит максимально аппетитно. На столе выставлены джем, хлеб и тосты, тарелка с фасолью и мисочка с зернистой кашей, красиво украшенная орехами и черникой.

– Доброе утро! Яичницу будешь болтунью или глазунью? – Айрин растапливает масло на сковороде.

– Глазунью, – выбираю я, хотя одно лишь предложение почти меня убивает. – Одного яйца будет достаточно. Я сейчас твой единственный постоялец?

– Ага.

– Ты, надеюсь, составишь мне компанию?

– Я уже поела.

Но, противореча своим же словам, она ставит на стол вторую тарелку, после чего кладет мне не только яичницу, но и жареные грибы с нарезанными помидорами.

– Приятного аппетита. Хочешь еще половинку грейпфрута?

Я отчаянно мотаю головой.

– Если я все это съем, то в следующий раз проголодаюсь не раньше, чем недели через две.

Айрин смеется и берет фасолинку.

– Рада отъезду на остров? Все-таки ты сегодня в первый раз его увидишь.

– Да... думаю, да, – медленно выговариваю я. Слишком глубоко в себе я копать не рискую, потому что там, под моей настоящей радостью, тлеет неуверенность. – Такое ощущение, что это все... нереально.

– Вот тут охотно верю. К сожалению, с погодой тебе не повезло: льет как из ведра. – Мы обе оборачиваемся к окну, в которое без остановки барабанит дождь. – Прогноз погоды на оставшуюся часть дня не сильно-то обнадеживает. Ты уже звонила в аэропорт?

Я бью себя ладонью по лбу. Мне это до сих пор даже в голову не приходило. Все мои мысли вращаются вокруг того обстоятельства, что через несколько часов я останусь одна на острове. Вероятно, все это действительно было плохой идеей.

– Мне позвонить вместо тебя? – Айрин встала и секундой спустя уже сжимает в руке свой смартфон, как вдруг он сам начинает вибрировать. – О'Ши, слушаю.

Она подходит к окну, а я нерешительно вожу вилок по тарелке с грибами. Несмотря на то, что Кьер вчера сказал, что на первые дни на маяке все приготовлено – а если он так сказал, то так наверняка и есть – мне лучше прямо сейчас озаботится списком покупок. Будем надеяться, что он забил холодильник не только ветчиной и копченой рыбой.

– Лив? – Айрин опять подходит к столу. – Это Кьер. Он спрашивает. Во сколько ты хочешь выехать. Магазины в Кэрсивине открываются в десять.

– Как только выясню, пришлют ли мне сегодня мой багаж.

– Тогда давай-ка сразу это и узнаем. – Айрин договаривается с Кьером на половину десятого, кладет трубку и ищет телефон аэропорта.

Проходит пара минут, и мне сообщают, что чемоданы придут не раньше завтрашнего утра. До прихода Кьера же, напротив, остается меньше часа времени, и из-за этого факта мое разочарование по поводу отсутствующих вещей сменяется учащенным сердцебиением.

– В Кэрсивине ты найдешь все, что тебе понадобится до тех пор, пока Кьер не сможет привезти твой багаж, – пытается подбодрить меня Айрин. – Я тоже могу одолжить тебе кое-какие вещи, если хочешь.

– Спасибо, но, думаю, на два-три дня мне хватит.

Единственное, что мне может на самом деле понадобиться, – это нижнее белье и носки, а такие вещи не одалживают. Точка. В Кэрсивине куплю дополнительный комплект белья, а так ближайшие дни я без проблем протяну со своей ручной кладью.

– Сразу возьмешь с собой вещи, когда Кьер за тобой заедет? – спрашивает Айрин.

– Да, так будет проще всего.

– Волнующе, правда, Лив? С сегодняшнего дня будешь жить на маяке!

К зашкаливающему пульсу добавляется намек на панику.

– Довольно волнующе, ага.

Господи.

###

Когда в дверь звонят, мы с Айрин и моим собранным чемоданчиком на колесах снова сидим на кухне. Целое утро – за исключением практических советов – мы ни единого слова не проронили о Кьере, но мне не кажется, что Айрин постоянно думает о нем, с тех пор как проснулась.

Видимо, это я поверхностная идиотка, которая слишком ведется на внешность. М-да, ну теперь я, по меньшей мере, знаю это о себе.

Айрин как раз открыла входную дверь, когда я позади нее выкатила в коридор свой чемоданчик. Кьер стоит на пороге под навесом, обе руки в карманах джинсов. И с этой улыбкой на лице, от которой, похоже, некоторые области моего мозга просто парализует. Позади него дождь заливает улицу.

– Привет. Все готово?

После моего кивка он сделал шаг в коридор, чтобы взять мой багаж, попрощался с Айрин и уже забросил чемодан на пассажирское сиденье, а я еще даже не пошевелилась.

Айрин заключает меня в объятия.

– Желаю тебе тысячу новых идей. И, само собой, получить удовольствие. – И намного тише добавляет: – Мне уже интересно, какого рода удовольствие ты выберешь. – Она подмигивает мне и отступает назад. – Созвонимся. Я в любом случае к тебе загляну. Наслаждайся этим временем, это будет классный опыт.

Я киваю уверенней, чем себя чувствую.

– До встречи. И спасибо за все.

Последняя улыбка, а затем я наперегонки с ливнем несусь к машине, и, когда сажусь, сдвигаю чемоданчик в узкое пространство в ногах. Чтобы класть его в кузов, сегодня чересчур мокро.

Айрин машет рукой, и я машу ей в ответ, прежде чем потянуться за собственным ремнем безопасности.

– Долго ехать до Кэрсивина?

В это время Кьер уже выезжает на улицу, которая ведет из деревни.

– Меньше двадцати минут.

Дворники еле-еле справляются с потоком воды, а я провожу рукой по влажным рукавам своей навороченной куртки. Теперь эта штука, как минимум, сможет продемонстрировать, на что она способна. Свою куртку Кьер снял и засунул за спинку сиденья. Хотя в машине не жарко, на нем надета только черная футболка. Футболка! Я невольно одергиваю рукава куртки на запястьях и, наконец, отвожу взгляд от его мускулистых рук, уставившись в окно.

Белая пена брызгами разбивается о камни на пляже, горизонт растворяется в сером тумане, который словно сплетает между собой давящие, низко нависающие тучи и волны.

– Твой багаж уже прибыл?

Голос Кьера почему-то звучит интимнее, чем прошлым вечером. Возможно, дело в стене дождя и возникающей вместе с тем атмосфере конца света, но более вероятно, что виноваты все те мысли о нем, которые не выходили у меня из головы со вчерашнего дня.

– Прилетит не раньше завтра.

– Значит, тебе понадобится еще пара вещей, правильно?

– Не много. – Перед моим внутренним взглядом вспыхивает белое платье, и я радуюсь, что мысли обладают приятным свойством – быть невидимыми. – В Кэрсивине есть торговый центр?

– Конечно. Что именно тебе нужно?

– Например, носки. – И трусы. Но где есть носки, там должны быть и трусы.

– Тогда предлагаю вот что: сначала мы займемся твоей обувью, а потом я отвезу тебя в торговый центр, а сам подожду в соседнем кафе, пока ты не закончишь.

Киваю и задумываюсь, что мне еще надо.

– На маяке есть кофе?

– Нет.

– Но кофемашина-то есть?

– Точно не знаю. Мистер Ведекинд пил чай.

Об этом я позабочусь и на всякий случай захвачу пачку кофе.

После этого я вновь потерялась в проплывающих мимо нас видах. Море скрылось за широкими холмами. Не прекращающийся дождь превращает луга, отдельно стоящие деревья и то и дело мелькающие среди них светлые пятна – коз или овец – в калейдоскоп из зеленого, коричневого, синего и серого цветов. Иногда мы проезжаем одинокие на вид дома, но припаркованный автомобиль или детская игрушка в саду показывают, что тут живут люди, даже если заметить их можно разве что в «Пабе Брейди».

В какой-то момент покрытый мхом ландшафт остался позади и уступил место полям и лугам. Нам все чаще попадаются здания, а пустынное пространство, которое на протяжении всего пути старалось впитать в себя мое сердце, исчезает. Это безумие, как быстро твой взгляд начинает чувствовать себя взаперти между стенами и заборами только потому, что на какое-то время ему дали от них свободу.

Кэрсивин – небольшое приятное местечко с яркими магазинами, выстроившимися вдоль по улице, и впечатляющей церковью. Кьер ставит машину на парковку и надевает свою куртку.

– К сожалению, зонт я не захватил. Но ты вроде неплохо вооружилась.

Надеюсь. Я накидываю на голову капюшон и так сильно затягиваю на нем шнуровку, что остается только небольшая дырочка для глаз. Жаль, что непромокаемые штаны, которые я купила в Гамбурге, до сих пор в Дублине, потому как я бы и не подумала, что они могут мне пригодиться еще до того, как я приеду на маяк.

Стило вылезти из машины, как резкий ветер швыряет мне в лицо дождь прямо сквозь полуприкрытые веки. Всего за пару минут джинсы вымокли, и холодная ткань облепила мои ноги. Пожалуй, куплю еще одну пару джинсов, на случай если на маяке нет сушилки.

Вместе с Кьером мы бежим против ветра мимо зданий, где на нижних этажах разместились преимущественно магазины. Еда на вынос, банк, несколько пабов и крошечная рыбная лавка, на витрине которой сегодня рекламируют свежий улов дикого лосося.

В обувном магазине, в который мы в конце концов заходим, приятно тепло, и я с радостью скидываю капюшон. Мы не единственные покупатели, продавец сейчас общается с седовласой женщиной. Но Кьер, не обращая на него внимания, устремляется напрямик к одной из полок.

– Какой у тебя размер? – кивает он на мои ноги.

– Тридцать девятый.

– Садись. – С двумя разными ботинками в руках он через пару секунд подталкивает меня к серому пуфику.

Первый ботинок по сравнению с моей нынешней горной обувью показался мне удивительно легким. Несмотря на болящие пальцы, на меня накатывает облегчение, когда я осторожно делаю шаг.

– Подошел.

– Точно? Ты не должна в них скользить.

– Нет, он полностью подошел. Разве что чуть давит на щиколотке, но это, наверно, просто тугая шнуровка.

– Померяй другой. Там вообще ничего не должно давить.

Кьер явно невысокого мнения о моей теории, что походную обувь сперва нужно разносить.

Второй ботинок так же комфортно обхватывает мою ступню, но на этот раз я не спешу сразу расхваливать его до небес. Только после того, как прошла в нем по магазину и не обнаружила нигде неудобных точек, я объявила его идеальным.

Судя по всему, Кьер не сильно верит в мою объективность. Он присаживается передо мной на корточки и через гибкий материал трекингового ботинка прощупывает мои пальцы. А вскоре после этого то же самое повторяет и продавец, который уже закончил разговор с предыдущим клиентом.

С едва заметным нетерпением я смотрю вниз на тонкие седые волосы у него на макушке.

– Ботинок подошел. Клянусь. Теперь-то я знаю, каково это, когда обувь не по размеру.

– Прекрасно. – Продавец поднимается с вежливой улыбкой. – Я принесу вам второй.

Кьер тоже встал. Хотелось бы мне знать, что творится в его голове, когда он вот так смотрит на меня, как сейчас. Он не избегает взглядов, он их затягивает, и мне это нравится. Мне поразительно многое нравится в мужчине, с которым я знакома от силы два дня.

Минут через десять мы вновь ныряем под дождь, и пусть это не начало приносить больше удовольствия, благодаря моей новой обуви стало ощутимо проще.

Тяжелые горные ботинки аккуратно упакованы в пакет. Без понятия, что мне теперь с ними делать.

Кьер ведет меня по главной улице в торговый центр, а меньше, чем через час уже засовывает новые покупки в узкое пространство между сиденьем и стенкой кабины своего «пикапа». От денег на карманные расходы, полученных мной от Макса Ведекинда, к этому времени практически ничего не осталось.

Кьер вопросительно смотрит на меня:

– Что теперь?

Да уж. Теперь нам надо бы ехать обратно в Каслданнс. Или, возможно, у Кьера хватит времени на чашечку кофе? Или мне в голову придет еще что-нибудь, чем я могла бы оттянуть последний шаг?

По рукам бегут мурашки, когда я вздыхаю полной грудью. Заканчивай с этим.

– А теперь, полагаю, пора на остров.

###

На обратной дороге постоянно чувствую на себе взгляд Кьера, но я слишком занята попытками утихомирить свою тревогу, чтобы об этом думать. В Каслданнсе запикиваю все покупки в свой чемоданчик, отчего он всерьез грозит лопнуть по швам. Пакет со старыми горными ботинками я вручаю Кьеру. На мою просьбу отдать их кому-нибудь он кивает. Наверяд ли мне через шесть месяцев удастся сдать эти штуки обратно в магазин в Гамбурге.

Путь к причалу оказался пугающе коротким, тем не менее лодка Кьера, слава богу, не имеет ничего общего с хлипким суденышком с подвесным мотором, какой я ее себе представляла. Вместо этого у причала стоит моторная яхта не меньше десяти метров длиной, раскачиваясь из стороны в сторону на беспокойных волнах. Узкая сырая доска не внушает особого доверия, и Кьер, заметив мой скептицизм, протягивает мне руку. Я замешкалась всего на мгновение, прежде чем ухватиться за нее. Его теплые пальцы сжимают мои, и на несколько секунд я забываю и про дождь, и про холод, и про все, что мне предстоит в следующие месяцы. Лишь когда мы твердо стоим бок о бок в кокпите⁶ яхты, он меня отпускает. Мне сразу же начинает не хватать тепла его ладони, и я обхватываю себя руками.

– Можешь спуститься под палубу, – предлагает Кьер, но я качаю головой и сажусь на одну из мягких скамеек за ним.

Кьер запускает мотор, и проходит совсем немного времени, как причал Каслданнса позади нас становится все меньше и меньше.

При других обстоятельствах я бы, наверно, рассмотрела все поподробнее, наслаждалась бы видом моря и волн, но в данный миг мой взгляд направлен только на одну точку – удаляющуюся землю, и сердце так отчаянно колотится в груди, что отдается у меня в ушах.

Бог мой, мы еще не успели добраться до острова, а у меня уже такое ощущение, что я готова расплакаться. Я замерзла, моя одежда, несмотря на дорогую куртку, вымокла, мой багаж в Дублине, а за весь этот адский день ни разу даже по-настоящему не выглянуло солнце.

Могу ли я еще все отменить? Перечислить обратно Ведекинду выплаченную сумму, Андре вернуть в его общежитие, занять денег у дедушки... Немедленно попросить Кьера вернуться?

Словно почувствовав, что мои мысли коснулись его, Кьер поворачивается ко мне:

⁶ Кокпит (яхты) – внутреннее пространство судна, в котором расположены устройства управления и связи и места для пассажиров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.